

ПОЭТЫ
ЛИРИКИ
ДРЕВНЕЙ
ЭЛЛАДЫ
И
РИМА

**ПОЭТЫ-ЛИРИКИ
ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ
и
РИМА**

в переводах
Я. ГОЛОСОВКЕРА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1955

В сборник античной лирики входят стихотворения поэтов-лириков древней Эллады и древнего Рима, начиная с VII века до н. э. и кончая I веком н. э. некогда сочинения крупнейших лириков Эллады, собранные и опубликованные александрийскими учеными, погибли. Даже отдельных цельных стихотворений сохранилось мало. До нас дошли в большинстве случаев только фрагменты и строки, извлеченные из различных сочинений древних авторов, которые их цитировали. Особенно скудно наследие, уцелевшее от музыкальной песенной лирики, так называемой мелики. Мелос — не только стихотворение, но и песня, сольная или хоровая, исполняемая под аккомпанемент струнного инструмента или авла-гобоя. Музыкальная партитура древней мелики погибла полностью. Мы располагаем только немногочисленными стихотворными текстами или, точнее, отрывками, тщательно проработанными учеными со времен Возрождения. С 90-х годов прошлого века при раскопках в песках Египта стали попадаться обрывки папирусных колонок с начертанными на них рукою древних переписчиков, эллинистической и римской эпохи, в сплошную строку, стихами знаменитейших всеэллинских поэтов, которые входили в древние каноны избранников поэзии: Алкея, Сафо, Анакреон, Вакхилид, Коринна, Симонид Кеосский и др. Среди находок оказались и стихи неведомых поэтов — *Анонимов*. Ценность этих находок чрезвычайно велика и для мировой поэзии и для исторической науки. Благодаря этим находкам мы, например, получили более ясное представление о творчестве и личности Алкея и Сафо, пред которыми преклонялись и Эллада, и Александрия, и Рим. Мы впервые ознакомились с хоровыми песнями Коринны и можем судить о ней по ее стихам, а не по скупым сведениям древних грамматиков или словарей. Переводы наиболее замечательной группы этих папирусных текстов, сделанные размерами подлинников, за малым исключением впервые, включены в первую часть сборника. Несмотря на строгость метрической строфы и непривычную для уха читателя систему размеров, многие из этих пленительных стихов исполнены такой непосредственностью и чувства и так просты, что доходят сразу до читателя, — особенно стихи Сафо. До сих пор эти публикуемые нами стихотворные тексты, как стихи, были не известны читателям

ни у нас, ни за рубежом. Они представляли интерес только для ученых. К ним присоединена «Гипорхема», единственный дошедший до нас образец такой песни-пляски сатиров, комедиографа V века до н. э.— Пратина. «Гипорхема» — весьма сложна по своей стиховой ритмомелодической структуре и также переведена впервые наряду с мелкими фрагментами Терпандра, Анакреона, Тимокреона и народными песенками.

Во вторую часть сборника вошли новые переводы избранных стихотворений Катуллы и элегиков золотого века римской литературы, падающего на годы принципата Августа: Тибулл, Проперций, Овидий. Античная элегия — отнюдь не стихотворение, исполненное грусти. Она может быть любой: нравоучительной, боевой, любовной, философской. Ее признак для древних: размер — элегический дистих, двустроиче, где первая строка — гекзаметр, а вторая — пентаметр. Элегия Тибуллы представлена только как образец любовной элегии — к Делии. Две элегии Проперция к Цинтии и одна элегия, посвященная легендарному прошлому Рима, характеризуют обе основные линии творчества Проперция. Рядом с ними стоит Овидий — самый выдающийся из римских элегиков, печальная судьба которого так взволновала Пушкина. В сборник вошли элегии из его более ранней книги «Amores» — стихи о любви, и элегии из собрания его посланий в Рим с берегов Черного моря, — из «Tristia» и «Ex Ponto». Указанные заголовки переводились по-разному: «Скорби», «Печали» и пр. В сборнике сохранены заголовки оригинала.

Катулл и Гораций ввели в римскую поэзию мелические строфы эллинской лирики. Возможно, что ими пользовались и другие поэты, хотя бы из кружка Катуллы. Но они — единственные поэты Рима I века до н. э., чьи мелические стихи сохранились. Однако, несмотря на соблюдение размеров и строф, присущих эллинской песенной лирике, эти произведения Катуллы, как и оды Горация, — не песни, а только мелодические стихи для чтения. Чтобы не разрывать цепь римских элегий, элегии Катуллы объединены с элегиями Тибуллы, Проперция и Овидия. Оды Горация завершают сборник. Таким образом, в нем представлены переводы произведений наиболее выдающихся лириков древней Эллады и Рима.

ЛИРИКА
ДРЕВНЕЙ
ЭЛЛАДЫ

МЕЛИКА

I

Греко-египетские папирусы

Сафо

ПЕЩЕРА НИМФ

Вы сюда к пещере, критяне, мчитесь,
К яблоневоу роще, к священным нимфам,
Где над алтарями клубится облак
Смол благовонных,

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий ключ, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сонно
Томная дрема.

Там на луговине цветущей — стадо.
Веет ароматами трав весенних,
Сладостным дыханьем аниса, льется
Вздых медуницы.

Ты любила там пировать, Киприда,
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар — богов напиток
Благоуханный.

К БРАТУ ХАРАКСУ

Если ты не к доброй, а к звонкой славе
Жадно льнешь, друзей отметаешь дерзко,
Горько мне. Упрек мой — тебе обуза:
Так уязвляя,

Говоришь и пыжишься от злорадства.
Упивайся ж досыта. Гнев ребенка
Не преклонит сердце мое к поблажке,—
И не надейся.

Оплошаешь. Старую птицу в петли
Не поймать. Дозналась, каким пороком
Щеголяя, прежде болел, какому
Злу я противлюсь.

Лучшее найдется на белом свете.
Помыслы к иному направь. Поверь мне,
Ум приветливостью питая — ближе
Будешь к Блаженным.

МОЛЕНИЕ К ГЕРЕ

Предо мной во сне ты предстала, Гера,
Вижу образ твой, благодати полный,
Взор, который встарь наяву Атридам
Дивно открылся.

Подвиг завершив роковой Арея
И причалив к нам от стремнин Скамандра,
Им отплыть домой удалось не прежде
В Аргос родимый,

Чем тебя мольбой, и владыку Зевса,
И Фионы сына склонить сумели.
Так и я тебя умоляю: дай мне
Вновь, как бывало,

Чистое мое и святое дело
С девственницами Митилен продолжить,
Песням их учить и красивым пляскам
В дни твоих празднеств,

Если помогли вы царям Атридам
Корабли поднять,— заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. О, услышь моление
Жаркое Сафо.

К АНАКТОРИИ

Конница — одним, а другим — пехота,
Стройных кораблей вереницы — третьим..
А по мне, — на черной земле всех краше
Только любимый.

Очевидна тем, кто имеет очи,
Правда слов моих. Уж на что Елена
Нагляделась встарь на красавцев... Кто же
Душу пленил ей?

Муж, губитель злой благолепия Трои.
Позабыла все, что ей было мило:
И дитя, и мать — обуяна страстью
Властновлекущей.

Женщина податлива, если клонит
Ветер в голове ее ум нестойкий,
И далеким ей даже близкий станет,
Анактория.

Я же о тебе, о далекой, помню.
Легкий шаг, лица твоего сиянье
Мне милей, чем гром колесниц Лидийских
В блеске доспехов.

Знаю, не дано полноте желаний
Сбыться на земле, но и долей дружбы
От былой любви — утоление сердцу
Лучше забвенья.

ГОНГИЛЕ

.....
Мне Гонгила сказала:
«Быть не может.
Иль виденье тебе
Предстало свыше?»

— Да,— ответила я,— Гермес
Бог спустился ко мне во сне.
К нему я:
«О владыка,— взмолилась,—
Погибаю.

Но клянусь, не желала я
Никогда презыбтка
Благ и счастья.
Смерти темным томленьем
Я объята,

Жаждой — берег росистый, весь
В бледных лотосах, видеть
Ахерона,
В мир подземный сойти,
В дома Аида».

К ЖЕНЩИНАМ

Им сказала: женщины, круг мне милый,
До глубокой старости вспоминать вам
Обо всем, что делали мы совместно
В юности светлой.

Много мы прекрасного и святого
Совершили. Только во дни, когда вы
Город покидаете, изнываю,
Сердцем терзаясь.

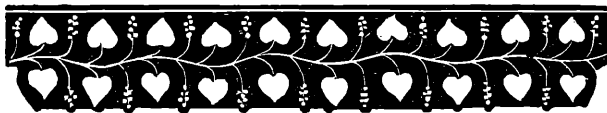

* * *

Твой приезд — мне отрада. К тебе в тоске
Я стремилась. Ты жадное сердце вновь,—
Благо, благо тебе! — мне любовью жжешь.

Долго были в разлуке друг с другом мы.
Долгий счет прими пожеланий, друг.
Благо, благо тебе! — и на радость нам.

Алкей

ВЕСНА

И звенят и гремят
вдоль проездных дорог
За каймою цветов
многоголосые
Хоры птиц на дубах
с близких лагун и гор;
Там вода с высоты
льется студеная,
Голубеющих лоз —
всходов кормилица.
По' побережью камыш
в шапках зеленых спит.
Чу! кукушка с холма,
гулкоболтливая,
Все кукует: весна.
Ласточка птенчиков
Под карнизами крыш
кормит по улицам,
Хлопотливо мелькнет
в трепете быстрых крыл,
Чуть послышится ей
тонкое теньканье.

ГИМН РЕКЕ ГЕБРУ

Гебр, близ Эны, ты, красивобережный,
В пурпурную зыбь убегаешь к морю,
Пенясь и гремя, по фракийским гребням
Славный купаньем.

Девушки кругом у волны толпяся,
Ласковые руки бегут по бедрам,
Словно маслом стан натирая, нежат
Кожу водою.

К ДИОСКУРАМ

Вы, богатыри, Полидевк и Кáстор,
Леды сыновья и владыки Зевса,
Воссияйте нам от земли Пелопа
Вестью благою.

Пронесетесь вы по земным просторам,
По приволью вод на конях летучих,
Чудом на скаку от прискорбной смерти
Смертных спасая.

Высоко поверх корабельных скамей
Вот сверкнули вы на тугих канатах,
В тягостную ночь проливаясь светом
Черному судну.

ГИМН МИТИЛЕНАМ

Ныне гимном тебя
Славлю, земля,
Нежных питомцев мать;

С цветом граждан могли
Поле держать
В первых рядах дружин;

О себе думы нет;
Выпал им долг,—
Каждый по-мужнему,

С той же волей, что муж,
Дело вершил,
Мужеством — мужем был.

Будь я мудрым, как бог,
Будь одарен
Мыслью провидящей,

Волоска б одного
Наперекор
Зевсу не вырвать мне.

Мужи зрелые мы,
В свалке судеб
Нам по плечу борьба,

Но не мудро ввергать
Отроков пыл
В ярость смятенных битв.

Что ж они! — чуть на град
Грозной ордой
Вдруг навалился враг,

Вспыхнув детской душой,
Не оробев,
В руки мечи — и в бой!

ВИНА ЕЛЕНА

Но жива молва,— от тебя, Елена,
Цепь недобрых дел заплелась Приаму
На погибель всем: Илион не ты ли
Испепелила?

Не такую взял Эакид невесту,
Всех богов созвал он на свадьбу. Деву
Нежную увлек из чертогов моря
К дому Кентавра

На желанный брак. Развязала пояс
Девичий любовь, порадев Пелею
И красе морей, nereиде: только
Год обернулся,

Родила она полубога сына,
Рыжим скакунам удальца-возницу,
А Елена град и народ фригийский
Страстью сгубила.

СКОЛИЙ

Что из кувшина чёрпать большим ковшом?
К чему усилие? Я убеждал тебя
Не проводить со мною праздно
Дни, опьяняясь вином и песней.

Зачем страшиться моря? Как мóрок злой
Пройдет морозный холод предутренний,
Нам бы на борт взойти скорее —
В руки кормило, подпоры вырвать

И от причала прочь, повернув ладью
Навстречу ветру. С легкой душой тогда
Мы предавались бы веселью —
То-то бы пить да гулять на славу!

А ты, бессильно руку на мой рукав
Повесив, кличешь: «Мальчик, подушку мне
Под голову! Певец, такую
Песней меня не заманишь в море».

БУРЯ НЕ УНИМАЕТСЯ

Что делать, буря не унимается,
Срывает якорь яростью буйных сил,
Уж груз в пучину сброшен. В схватке
С глубиью кипящей гребут, как могут.

Но, уступая тяжким ударам волн,
Не хочет больше с бурей бороться струг:
Он рад бы наскочить на камень
И погрузиться на дно пучины.

Такой довлеет жребий ему, друзья,
И я всем сердцем рад позабыть беду,
И с вами разделить веселье,
И насладиться за чащей Вакха.

Тогда нас гибель ждет неминуемо.
Безумец жалкий сам ослепит себя,—
Но мы...

НОВЫЙ ВАЛ

Под взметом ветра новый взъярился вал,
Навис угрозой тяжких трудов и бед.
Натерпимся, когда на судно
Бурно обрушится пенный гребень.

Дружней за дело! И возведем оплот,
Как медной броней, борт опояшем мы,
Противоборствуя пучине,
В гавань надежную бег направим.

Да не поддастся слабости круг борцов!
Друзья, грядет к нам буря великая.
О, вспомните борьбу былую,
Каждый пусть ныне стяжает славу.

Не посраим же трусостью предков прах,
В земле под нами здесь упокоенных:
Они воздвигли этот город
На благоденствие нам, потомкам.

Но есть иные — люди, не властные
В своих желаньях. Темным страстям служа,
Их опозоренные руки
Предали город рукам таким же.

К МИТИЛЕНЯНАМ

Он знай шагает по головам, а вы
Безмолвны, словно оцепенелые
Жрецы, перед загробной тенью,
Грозно восставшей из мрака мертвых.

Пока не поздно, вдумайтесь, граждане,
Пока поленья только чадят, дымясь,
Не мешкая, гасите пламя
Иль запылет оно пожаром.

ПРОТИВ ПИТТАКА

1

Не помню, право,— я малолетком был,
Когда милы́ нам руки кормилицы,—
Но знаю, от отца слышал я:
 Был возвеличен он Пентилидом.

Был злорадатель родины свергнут им:
Меланхр низвергнут! Но низвергатель сам
 Попрал тирана, чтоб тираном
 Сесть царевать над печальным градом.

2

Нам сказать бы ему: флейта он сладкая,
Да фальшиво поет дудка за пиршеством.
Присоседился он к теплым приятелям,
В глотку льет заодно с глупою братией.

За женою он взял, кровной атридянкой,
Право град пожирать, словно при Мёрсиле,
Пока жребий войны не обратит Арей
Нам в удачу. Тогда — гневу забвение.

Мы положим конец сердце нам гложущей
Распре. Смуту уйдем. Поднял усобицу
Олимпиец один: в горе народ он ввел,
А Питтаку добыл славы желанный звон.

3

За кружкой кружку — только бы бражничать,
И днем и ночью полон весь дом вином,
Он песни пьяные горланит,
И умолкает глагол закона.

Тех буйных оргий не позабыл и Гирр,
Когда внезапно бурно возвысился:
Он ночи напролет в разгуле...
Только и слышно — черпак по днищу.

И ты, пропойцы темное детище,
Такою взыскан славой и почестью,
Какие подобают мужу
Доблести кровной, честного рода.

4

Не всегда продувной
Бестией был Питтак
И беспечен умом.
Нам, главарям, клялся,
На алтарь положи
Руку, а сам берег
Злорадетелей родины,
И за тем лишь глядел,
Как бы предатели
Не открылись его
Давним союзникам.

АЛКЕЙ В СВАТИЛИЩЕ ГЕРЫ

1

Там оградили жители Лёсбоса
Большой участок, издали видимый,
И жертвенники для служенья
Установили богам блаженным.

Там призывают Зевса-Дарителя,
Там славословят Геру Эолии,
Живой исток рождений,— третьим
Славят Безрогого Диониса.

Склоните ж, боги, благословенный слух
К молениям нашим, дайте же, дайте нам
От этой тягости изгнания —
Сердцу скорбящему избавленье.

И пусть обрушит ярость Эриния
На сына Гирра,— некогда братству он
Над кровью овна клялся свято
Недругам друга вовек не выдать:

Иль биться на смерть и под мечами пасть
За землю — к славе временщиков лихих,
Или, до корня истребив их,
Бремя безвременья снять с народа.

Брюхан же властный наедине с собой
Не вел беседы — душу не выпросив,
Он, клятвы попирая, жадно
Жрет Митилены, как жрал их Мирсил.

.....
 «Пусть на землю падет. В уединении
 Глухо ночь проведет. Пусть на урочище
 За высокой оградой Геры
 Непорочным пребудет в святилище».

Так живу я, горюю,— как деревенщина
 Захолустья. В мечтах слышу глашатая
 Зов привычный, меня на вече
 Зычно кличущий: «Агесилая сын!»

Кличет, в думу зовет. Клич этот слышали
 И отец мой и дед. Слушали, старились
 Между склок и расколов граждан.
 Грустно! Сам же себя обездолил я.

В эту глушь убежал, словно Онóмаклес,
 Уподобился здесь волку-отшельнику
 В пору междоусобий. Распря
 Не к добру затевать, коль родник один.

Я, сойдя с корабля на землю черную,
 У блаженных богов скрылся в обители,
 Вдалеке от тревог мятежных —
 И на сходбищах только бываю я:

В длинных платьях текут хоры лесбиянок,
 Меж собой в красоте там состязаются.
 Клики. Жен ежегодный праздник.
 Завываний священных повторный глас.

ПОСЛАНИЕ ПИТТАКУ

Какой, поведай, бог соблазнил тебя,
Злодей, ответить: «Мне не представился
Предлог тебя вернуть». Где совесть,
Что неповинного ты караешь?

Но чист мой демон. Или ты мнишь: отказ
Твой сумасбродный звезды не слышали
На небесах? Умолкни! Небо
Тьму наших бедствий моли ослабить.

Твой праздник жизни — время твое прошло.
Плоды, что были, дóчиста собраны.
Надейся, жди: побег зеленый
Отяжелеет от пышных гроздий.

Но поздно, поздно! Ведь от такой лозы
Так трудно зреет грузная кисть, склоняясь.
Боюсь, до времени нарядный
Твой виноград оборвут незрелым.

Где те, кто прежде здесь пребывал в трудах?
Ушли. Не гнать бы от виноградников
Их прочь. Бывалый виноградарь
С поля двойной урожай снимает.

К ГОРОДУ МИТИЛЕНАМ

Как проходимец, страстно мечтающий
По знатным барам запросто хаживать,
Тебя не съел он и, бытуя
Трудно, в домашнем кругу был сносен.

Когда же в буйстве высокомерия,
Упившись властью, стал лиходейничать,
Как все безумцы-лиходеи,—
Мы не стерпели его безумья.

Не раз скользили мы над погибелью,
Но повернулось все к стародавнему:
С оскоминою эта сладость,
Да не бывает добра без худа.

О ЛИДИЙЦАХ И ПИТТАКЕ

Зевс, в лихие дни неудач лидийцы
Нам две тысячи золотых давали,
Только бы войти мы смогли всей силой
В город священный.

Благ от нас они не видали. Толком
Не узнали нас. Насулила много
Хитрая лиса, улизнуть лелея
Втайне надежду.

ДРУГУ МЕЛАНИППУ

Пей же, пей, Меланипп,
До забвения пей со мной.
Если рок в Ахерон,
В эту грустную мглу меня
Окунул,— что мечтать,
Будто к солнцу вернемся вновь!
Полно, так далеко
Заноситься умом не нам.
И Сизиф возомнил
Превзойти здравый толк людской:
Смерть надменно смирить.
Но принудил бахвала рок,
Хоть и был царь хитер,
Безвозвратно, покорно вновь
Переплыть Ахерон.
И придумал ему Кронид
Небывалую казнь,
Неизбывный Сизифов труд,
Там, под черной землей.
Не горюй же о смерти, друг.
Ты же ропщешь,— к чему?
Плачь, не плачь — неминуем путь.
Нам без жалоб терпеть
Подобает утрату. Пусть
Свирепеет буран
И безумствует север. Мы
Будем пить и хмелеть:
Нам лекарство от зол — вино.

Коринна

! СОСТЯЗАНИЕ ГЕЛИКОНА С КИФЕРОНОМ

Пел он давнее сказанье
О пещере, где Куреты
Благодатного младенца,
Зевса, выкормили втайне
От обманутого Реей
Злоизмысливого Крона.

С той поры высокочтима
У бессмертных мать-богиня.
Так он пел. Мгновенно муза
Побудила Олимпийцев
Бросить камешек судейский
В златоблещущие урны.

Боги встали, порадели
Киферону. Тотчас Гермий
Возгласил громоподобно
О победе, и овчину
Небожители венками
Разукрасили счастливицу.

Но под бременем обиды
Геликон рванул ревниво
Гладкосточенную глыбу:
Подалась Гора,— и ринул
С воплем жалобным громаду
На теснившийся народ...

ДОЧЕРИ АСОПА

Муз фиалкоувенчанних
Дар поведаю — песнями
Славословить бессмертных.
О ту пору, как Зевс-отец,
Благ податель, избрал одну
Асопиду-Эгину: срок
Ей придет, — будет счастлива
На путях громовержца.

.

(ОРАКУЛ АСОПУ)

«Трех дочерей Зевс возлюбил,
Зевс-отец и вселенной царь,
Трех увлек владыка морей
Посейдон, двух преклонил
Феб на брачное ложе,

И могучий Гермий одну,
Майи сын. Так Эроса зов
Властно завлек волю богов
Тайно войти в дом девяти:
Дев похитить — избранниц.

Будет пышен сев матерей.
Рок им сулил: племя родить —
Род героев-полубогов.

Так говорю. Ведомо так.
Так пророчит треножник.

Сан мой высок. Вверили мне
Храм пятьдесят грозных моих
Кровников. Здесь, в месте святом,
Я, Акрефэй, призван вещать
Правды верное слово.

Дал Аполлон некогда в дар
Эвониму право вещать,
На треножник Феба воссев.
Эвонима сверг Ириёй,
Стал преемником вещим

Посейдона сын, Ириёй.
Орион эти земли взял,
Мой родитель. На небо он
Вознесенный, ныне звездой
Нам он в небе сияет.

Непреложно слово мое.
Всё, что знаю,— знаю от них.
Ты же, друг, о родич богов,
Сбрось тревог безрадостный груз,
Будь подобен бессмертным».

Так говорил вещий святой.
И, слезу роняя из глаз,
Прикоснулся к правой руке
Прорицателя бог Асоп
С лаской. Речью ответил.

Симонид Кеосский

ГЕРАКЛ И НЕСС

Как Алкмены сын
— Он друга убил,—
Калидон покинув,
К соседям бежал:
С ним жена-дитя Деянира.
Поперек пути
Сердитый поток:
Там за плату кентавр,
Перевозчик Несс,
Чрез Эвэн переправу держал.
И кентавру сын Зевса, Геракл,
Отдает дитя-Деяниру.
Зверь простушку руками
На плечи берет,—
Локти розовые
Над водой,
А Геракл при конях,
С младенцем в руках
Стоит над Эвеном рекой.
Но когда уже был
Близок берег, кентавр
Вдруг, исполненный яростной страсти, възграл
И к сближению вздыбился бурно...

Звонко вскрикнула тут Деянира,
Умоляя милого мужа
Отвратить погибель супруги.
У Геракла — пожар под бровями,
И в уме убийство с бедою
В роковой завязались узел.
Он безмолвен, он не с ревом,
Как бывало, громоносным —
С тяжелой палицей в деснице
На чудовище обрушась,
Гнет, хрящи ушей терзает,
Кость щеки крушит косматой,
Грозных глаз гасит сверканье,
По надбровью бьет, и топчет
В прах поверженное тело,
Сам неистово-бесстрашный,
И, стрелой сверля, пронзает
Сердце Нессу-зверомужу.

Пратин

ГИПОРХЕМА

Что за буйство? Что за клики? — Колыхающийся хор?

Что за дерзость обуяла, Дионис!

На оркестру

С гулким плясом понеслись?..

О мой Бромий! О мой Бромий!

Буду, буду звенеть!

Буду, буду греметь

По горам среди стад и круженья наяд!

Буду я лебедем петь пестрокрылую песнь,

Царственный строй соблюдая — устав Пиерид.

Ты же, флейта, в такт рыдай,

Мне, как спутник, подпевай.

А мы — мы бойцы

Дверных битв.—

В кулаки!

Мы — ватага не впросак,

Свежих пьяниц вожак.

Бей на лад фригийской

Пестрозвучной грусти!

Жги же инжирно-прежирно-свирельное,

Тарабаро-пудоспудно-ритмоструйные шипы.

Эй, сверли, сверли, сверли,
Как под шилом запляши!
Чу, в оба! Чу, гляди!
Справа, ты, заводи,
Да ногой мели, меси!

Вакху дамба дифирамбов,
Славься, Вакх!

Плющекудрый царь, послушай песню-пляс,
Мой дорийский гимн.

Аноним

АВЛОДИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Не обижай никого, а потерпишь обиду — не ссорься.
Остерегайся убийства и битв. Будь скуп на раздумья.
В меру себя утруждай, чтобы после не каяться тяжко.

Пой, флейта, пой!

Лето, зима и весна протекут. Их смена от века.
Есть и у солнца закат; и для ночи исход преуказан.
Не домогайся узнать: откуда вода или солнце?
Лучше узнай, где купить на рынке венки и елея.

Пой, флейта, пой!

Три пожелай для себя источника, медом текущих,
Пять — молоком, да девять — вином, да двенадцать — елеем,
Два родниковых ключа и три — с водой снеговою,
Отрока подле ключа и милую девушку рядом.

Пой, флейта, пой!

Флейту лидийскую мне! Лидийские шутки для лиры!
Дудки фригийской напев! Тимпанов из кожи воловьей!
Вот она, доля и жизнь! — А помру, положите, как должно,
Флейту, друзья, в головах, а в ногах — семиструнную лиру.

Пой, флейта, пой!

Есть ли мера богатства и есть ли бедности мера?
Кто из людей указал предел для золота в мире?
Пусть накопил он добра — еще бóльшего алчет недобрый.
Первый богач на земле не менее жалок, чем нищий.
Пой, флейта, пой!

Труп ли случайно узришь, посетишь ли немые гробницы, —
Зеркало жизни живой пред тобою. Так мыслил покойник:
Время для нас кредитор. Должнику его горько живется:
Скажет до срока: «Отдай», — и вернешь ему с жалобным плачем.
Пой, флейта, пой!

«Все пополам», — говорил царь Ксеркс Олимпийцу. Кормило
Было двойным, но один разрезал он Лемнийские воды.
Дивно богат был Мидас. Был трижды богаче Кини́рас.
Кто же, в аид уходя, унес туда больше обола?
Пой, флейта, пой!

Посидипп

НАДГРОБИЕ ДОРИХЕ

(Эпиграфия)

Прах — твои кости, Дориха, повязка, скрепившая кудри,
Благоуханный покров, миррой надушенный — прах,
Было... когда-то к Хараксу, дружку, под покровом прильнувши
Телом вплотную нагим, с кубком встречала зарю.
Было... а Сафобы строки остались — останутся вечно:
В свиток записанный ряд песней живою звучит.
Имя твое незабвенно. Его сохранит Навкратида
Впредь, пока путь кораблю нильскому в море открыт.

||

Фрагменты
Терпандр Лесбосский

ВОЗЛИЯНИЕ

Льем вино — Музам в честь,
Дщерям Памяти — в честь,
И водителю Муз —
Сыну Лёто — в честь.

Анакреон

* * *

Посейдоний на двор вступил,
Месяц влагой чреватых туч.
Грозы дикие — лютый вихрь —
Мечут небо на землю.

* * *

Не сули мне обилье благ,
Амалфеи волшебный рог,
И ни сто, да еще полста
Лет царить не хотел бы я
В столбленной Тартессе.

* * *

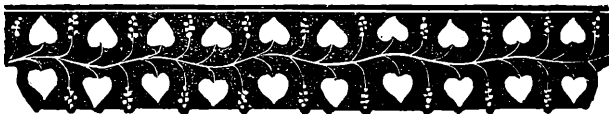
Дай воды, вина дай, мальчик,
Нам подай венков душистых,
Поскорей беги,— охота
Поборотся мне с Эротом.

* * *

Клебула, Клебула я люблю,
К Клебулу я, как бешеный, лечу,
Клебула я глазами проглочу.

Стесихор

ПАЛИНОДИЯ

Не по правде гласит предание:
Не взошла ты на палубу судна,
Не плыла ты в Пергам Троянский.

Тимокреон

ПЛУТОСУ

Бог-слепец, Богатство, Плутос,
Лучше б нам тебя не видеть
Ни на суше, ни на море,
Ты бы жил у Ахерона:
Вот бы тени богатели!
Все несчастья от тебя.

Эпиграм

* * *

Разум внемлет и зрит,— все прочее слепо и глухо.

НАРОДНАЯ ЛИРИКА

Carmina popularia

ЭЙРЕСИОНА

Смоквы приносят
И сдобные булки
Нам эйресиона,
Светлого меда в горшке
И масло для умощения,
Добрую чару вина,—
Угостился и спи опьяненный.

ДИОНИСУ

О гряди, Дионис благой,
В храм Элеи,
В храм святой,
О гряди в кругу харит,
Бешено ярый,
С бычьей ногой,
Добрый бык!
Добрый бык!

АНТЕМА

Где розы мои?
Фиалки мои?
Где мой светлоокий месяц?
— Вот розы твои,
Фиалки твои,
Вот твой светлоокий месяц.

ЖЕЛИХЕЛОНА

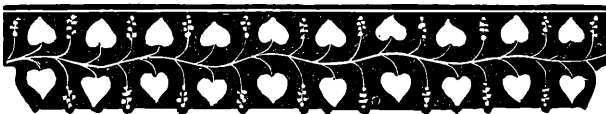
- Черепаха пряха, что творишь в кругу?
- Из шафрана милетского шарф я тку.
- Как погиб, открой, этот отпрыск твой?
- Сел на бела коня, да и в море плашмя.

ЛОКРИЙСКАЯ ЛЮБОВНАЯ

О что терплю! Не предавай меня, молю.
Уйди! Пора! Вот он войдет к несчастной..
Встань!
Уж близок день. Взгляни в окно: не брезжит ли
Рассвет?

Ямбы

Семонид Аморгосский

ЖЕНЩИНЫ

(Фрагменты)

1

Внимай, дитя, над всем — один властитель: Зевс.
Как хочет, так вершит гремящий в небесах.
Не смертным разум дан. Наш быстролетен день,
Как день цветка, и мы в неведение живем:
Чей час приблизил бог, как жизнь он пресечет.
Но легковерная надежда всех живит,
Напрасно преданных несбыточной мечте.
Один считает дни: «Вот, вот...», другой — года.
«Едва минует год, — мнит каждый, — и ко мне
Богатства притекут и прочие дары».
Но вот одни в когтях у старости — конец!
А цель — всё впереди. Других сразил недуг
Иных в бою Арей воитель сокрушил:
Их шлет уже Аид в предвечный мрак земли.
Тех — море унесло... Как гнал их ураган
И грозные валы багрово-мрачных вод!
Погибли. А могли спокойно жить они.
Тот затянул петлю. О горькая судьба!
По доброй воле, сам, отвергнул солнца свет.

Все беды налицо,— но керам нет числа,
И смертных горести ни выразить, ни счесть.
Но если бы они послушались меня,
Мы не любили б зла и горя не несли б,
Порывом яростным влекомые к беде.

2

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
Одну из хрюшки он щетинистой слепил —
Все в доме у нее валяется в грязи,
Разбросано кругом,— что где, не разберешь.
Сама ж — немытая, в засаленном плаще,
В навозе дни сидит, нагуливая жир.

Другую из лисы коварной бог создал.
Все в толк берет она, сметлива, хоть куда.
Равно к добру и злу ей ведомы пути,
И часто то бранит, то хвалит ту же вещь:
То да, то нет. Порыв меняется, что час.

Иной передала собака верткий нрав.
Проныра: ей бы все разведать, разузнать,
Повсюду нос сует, снует по всем углам,
Знай лает, хоть кругом не видно ни души.
И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
Пусть зубы вышибет бульжником в сердцах,
Пусть кротко, ласково усовещает он,—
Она и у чужих, в гостях, свое несет:
Попробуй одолеть ее крикливый нрав.

Иную, вылепив из комьев земляных,
Убогою Олимп поднес мужчине в дар.
Что зло и что добро — не по ее уму.
И не поймет. Куда! Одно лишь знает — есть.
И если зиму Зевс суровую послал,—
Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.

Ту — из волны морской. Двоится ум ее:
Сегодня — радостна, смеется, весела,
Хвалу ей воздает, увидев в доме, гость:
«Нет на земле жены прекраснее ее,
Нет добродетельней, нет лучше средь людей».
А завтра — мочи нет, противно и взглянуть.
Приблизиться нельзя: беснуется она,
Не зная удержу, как пес среди детей;
Ко всем неласкова — ни сердца, ни души;
Равно — враги пред ней иль лучшие друзья.
Так море иногда затихнет в летний день:
Спокойно, ласково, отрада морякам,—
Порой же, грозное, бушует и ревет,
Вздымая тяжкие ударные валы.
Похожа на него подобная жена
Порывов сменою, стихийных, словно Понт.

Иной — дал нрав осел, облезлый от плетей.
Под брань, из-под кнута, с большим трудом она
Берется за дела — кой-как исполнить долг.
Пока же ест в углу подальше от людей:
И ночью ест и днем, не свят ей и очаг.
А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
Приятелю-дружку любому вход открыт.

Иную сотворил из ласки,— жалкий род!
У этой ни красы, ни прелести следа,
Ни обаяния,— ничем не привлечет.
А к ложу похоти — неистовый порыв,
Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
Да вороватостью соседям вред чинит
И жертвы иногда не в храм несет, а в рот.

Иная — род ведет от пышного коня:
Заботы, черный труд — ей это не под стать.
Коснуться мельницы, взять в руки решето,
Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
К печи подсесть — ни-ни! — от копоти бежит,

Насильно мил ей муж. Привычку завела
Купаться дважды в день и трижды, коль досуг.
А умещениям — ни меры, ни числа.
Распустит локонов гривастую волну,
Цветами обовьет и ходит целый день.
Пожалуй, зрелище прекрасное жена,
Как эта, для иных, — для мужа — сущий бич!
Конечно, если он не царь или богач,
Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.

Иную — сотворил из обезьяны Зевс:
Вот худшее из зол, что дал он в дар мужам.
Лицом уродлива. Подобная жена
Идет по городу — посмешище для всех.
И шея коротка; едва, едва ползет;
Беззадая, как жердь. Увы, бедняга муж!
Что за красотку он обвить руками рад!
На выдумки ж хитра, уверткам счету нет,
Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
Добра не сделает, пожалуй, никому,
Но занята одной лишь думой день-деньской:
Какую пакость бы похуже учинить.

Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
Пред ней одной уста злословия молчат;
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней.
Потомство славное и сильное родив.
Средь прочих жен она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.
Вот лучшая из жен, которых даровал
Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
А прочие — увы! — по промыслу его
И были бедствием и будут для мужей.

Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —

Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил,
И голод вытолкнет не скоро за порог:
А голод — лютей враг, сожитель — демон злой.
Чуть муж для праздника повеселиться рад:
Во славу божию иль там почтить кого,
Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
Верь, у кого жена, тому не к дому гость,
Заезжего с пути радушие не ждет,
И та, что с виду всех невинней и скромней,
Как раз окажется зловреднее других.
Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:
Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост.
Свою-то хвалит всяк — похвал не наберет,
Чужую,— не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая,— о том не знаем мы;
Ведь это зло из зол зиждитель Зевс создал,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в подземный мрак,
В борьбе за женщину — герои и вожди.

ЛИРИКА
РИМА

Катюла

ДРУЗЬЯМ И ПРИЯТЕЛЯМ

Филеки

ВЕРАНИЮ

Мой Вераний, сердечный друг, такого
На сто тысяч друзей не променяю,
Ты вернулся домой в семью родную,
К милым братьям и к матери, старушке,
Ты вернулся живехонек,— о радость!
Я увижу тебя, рассказ услышу,
Обнимая, в глаза тебя целую,
Как ты жил, как ты был в стране иберов
И какие там люди и события,—
О, найдется ли где на белом свете
Кто бы так ликовал, как я ликую.

ПОЭТУ ЛИЦИНИЮ КАЛЬВУ

Если б света очей моих сильнее
Не любил я тебя, мой Кальв любезный,
Я бы злобой Ватиния озлился:
За какие грехи, за что, помилуй,
Ты насрал на меня такую гибель
Стихоплетов? Да будь клиент твой проклят,
Подаривший тебе всю эту нечисть.
Впрочем, если новинкой нарочито
Наградил тебя Сулла, книжник важный,
Он не плохо судил: я рад и счастлив,
Не погибли твои труды напрасно.
О, зловещая, черная книжонка!
Ты по дружбе послал ее Катуллу,
Чтоб его доконать без промедленья
В самый день ликования Сатурналий.
Погоди же, заплатишься, забавник,
Я чуть свет побегу к прилавкам книжным,
Закуплю разных Цезиев, Аквинов,
И Суффена, и прочую заразу
И тебя этой казнью осчастливлю.
Вы же, гости недобрые, прощайте,
Прочь! Долой! Убирайтесь восвояси,
Дней позорище, выродки-поэты!

ПОЭТУ_ЦЕЦИЛИЮ

Ты скажи-ка Цецилию, папирус,
Собутыльнику, лирику, поэту,
Пусть Ларийское озеро и Кóмо
Он покинет для сладостной Вероны:
От приятеля общего услышать
По прибытии кой-какие мысли.
Коль умен, полетит он без оглядки,
Сколько б раз раскрасавица подруга
Ни звала, его шею обнимая,
Ни молила: «О милый мой, помедли».
Ибо, если правдивы слухи, гибнет
От влюбленности бешеной девчонка:
Все нутро ей, всю душу опалило
С той минуты, как он о Диндимёне
Ей прочел зарожденную поэму.
Бог с тобою, прелестница, наукой
Превзошедшая Сàфо: превосходна
Зарожденная поэма о Кибеле.

КОРНИФИЦИЮ

Худо, друг, твоему Катулле, худо,
Худо, мой Корнифиций, нестерпимо,
С каждым днем, каждым часом — хуже, хуже...
Что же ты! Или труд велик, подумай,
Ободрить и утешить теплым словом?
Я в обиде и злюсь. Так это дружба!
Вздор, пустяк, даже капля утешенья
Слезных строк Симонидовых дороже.

ВЕСНА

Дышит вешним теплом, отходит холод,
Равноденствия бедственные грозы
Дуновенью Зефира уступили.
Разлучайся же, Фригия, с Катуллом,
И вы, пажити солнечной Nikeи,—
Душу странника дрожью преддорожной
Пробирает, и ноги, как на крыльях:
В грады славные Азии лечу я.
О содружества милые, прощайте!
Издалека отплыли мы совместно,
Но невесть как на родину вернетесь.

АЗИНИЮ МАРРУЦИНУ

Марруциний Азин, за шуткой пьянки
Шутишь левой рукой куда как ловко:
Ты платки зазевавшихся воруеть?
Где же соль остроумья? Плут безмозглый,
Неопрятна, грязна твоя затея,
Мне не веришь? Поверь родному брату
Поллиону: он тысячу и больше
Рад бы дать — воровство твое загладить.
Вот уж впрямь острослов и тонкий малый.
Так решай: иль дождем стихов нещадно
Отхлещу, иль верни платок немедля.
(Не ценою, а памятью он дорог,
Дорогого приятеля подарок.)
Мне полотна сетабские прислали
Из Иберии в дар Фабулл любезный
И Вераний. Понятно, те полотна
Я люблю, как Верания с Фабуллом.

ФУРИЮ И АВРЕЛИЮ

На весь свет осрамлю вас и ославлю,
Блудник Фурий и пакостник Аврелий,
За мои шаловливые безделки
Вы меня обзываете бесстыдным.
Пусть поэту пристало быть стыдливым
В тайне сердца, но лирике — иное;
Ведь изюминка — то, что изумляет,
В неге слов и в игривости таится,
Чтоб от соли, от зуда зачесались —
Не юнцы, а заросшие щетиной,
У которых и ляжки отекают.
Вы же, сборщики сотен поцелуев,
Как вы смели назвать меня бессильным!
На весь свет осрамлю вас и ославлю.

КОРНЕЛИЮ НЕПОТУ

Но кому подарю я новый томик,
Отшлифованный пемзою до блеска?
Мой Корнелий — тебе. Не ты ль, бывало,
Мой задорный стишок считал не вздором
В те года, когда первый из италов
Ты дерзнул изложить веков события
В трех томах — столь ученых и весомых.
Так прими без хулы мой тощий томик,
И владей им, и будь его патроном,
Дабы жил он в веках подольше века.

Мелические стихи

Л Е С Б И Я

ЛЮБОВЬ

Мнится мне, он бог, а не смертный образ,
Мнится, пусть грешно, он превыше бога:
Близ тебя сидит, не отводит взора,
Слушая жадно

Смех рокошующий этих губ. А мне-то
Каково терпеть! Чуть, бывало, встречу
Лесбию — душа вон из тела. Слово
Вымолвить трудно.

Нем язык. Дрожа бормочу. Под кожей
Тонким огоньком пробегает трепет,
И в ушах звенит и в глазах темнеет —
Света не вижу.

.
Лень твоя, Катулл, для тебя погибель,
Лень рождает блажь о блаженстве мнимом,
Лень владык былых и держав богатых
Сколько сгубила?

РАЗРЫВ

Спутники-друзья, мой Аврелий, Фурий,
Вы дойдете впрямь по пятам Катулла
К дивным Индам, где ударяют гулко
Волны о берег,

До Гиркан — в тот край аравийской неги,
До кочевий Саков, до самых Парфов,
К морю, где прибой семикратно красит
Нил семиглавый,

К дальним Альпам, где перевала выше
Цезаревых дел предстоит величье,
И за гальский Рейн, где Британов море —
Север свирепый.

Куда рок меня ни забросит, всюду
Неотступно вы для услуг готовы,
Возвестите же моей милой кратко,
Хоть и не сладко:

Да живет она, как живала;— в блюде,
Целых триста в день обнимая разом,
Никого душой не любя, но в душу
Порчей въедаюсь.

Ей моей любви не вернуть, как прежде.
Поздно, подсекала, как цветок, что скошен
У прогалины мимоходом острым
Плугом скользнувшим.

АЛЬФЕНУ

Мой забывчивый друг,
Недруг друзей,
Альфен пролгавшийся,

И не жалко тебе,
Черствый, ничуть
В горе приятеля?

И тебе нипочем
Подло предать
И оболгать меня?

Но богам не милы
Ловких людей
Хитросплетення.

Как же быть мне, увы! —
Сердцем кому
Ныне довериться?

Кто, злодей, убеждал
Душу отдать —
Всю целиком, как есть,

Окунуться в любовь,
Все позабыть:
Только одно — любить?

А теперь: «Я — не я»,
Вспомни слова,
Вспомни дела свои!

Иль их ветер унес,
Дунул — и нет,
Было, как не было?

Ох, попомнят тебе
Правда и бог,
Будешь ты плакаться,

Все слова и дела
Вспомнишь тогда,
Альfen непомнящий!

МОЛОДЧИКУ ФАЛЛУ

Блудливый Фалл, податливей ты кроличьей пушинки,
Жирка́, нутра гусиного, замшелой паутинки,
И мягче мочки ты ушной и гузочного сала,
И тот же Фалл стремительней клокочущего шквала,
Чуть к осовелым банщикам на мыльню что попало.
Верни мне плащ — мне плащ верни украденный, воришка,
Ручник сетабский с вышивкой, искуснейшею, Тинской.
В ворованном красуется, как в дедовом, растяпа.
Я из когтишек вытяну, — верни мне все, что сцапал.
Не то бо́чок откормленный, изнеженные ручки
На людях плеть веселая распишет, — будет взбучка,
Прижжет тебя, — замечешься, ошпаренный при этом,
Как сúdo в море бешеном под сумасшедшим ветром.

Элегии

ЛЕСБИИ

И ненавижу ее и люблю. Это чувство двойное!
Боги, зачем я люблю! — и ненавижу зачем!

ВОСПОМИНАНИЕ

Кто, вспоминая порой о минувших далеких порывах
К благу и добрым делам, радость в душе не таит,
Если он помыслом чист, вероломством и сговором темным
Горя не множил людей, ложно богами клянясь.
Что же, Катулл, и тебя одарила на долгие годы
Ядом сладчайших отрад неблагодарная страсть.
Есть ли благие слова, иль благие поступки, которых
Ты не сказал, не свершил радостно ради нее?
Тщетно! упали они в пустоту ненадежного сердца...
Что же терзаться душой, память тоской беречь?
Духом воспрянь, оторвись от навязчивой страсти-приманки,
Разве раздавленным быть — высшая участь людей?
Трудно — еще бы! и как! — одолеть многолетнее чувство.
Трудно, — но ты потрудись! Не одолеть? — Одолей!
В этом спасенье — иль смерть. Пересиль роковое бессилье!
Волей, неволей — сверши! Должен! — и выбора нет.
Боги, о если и вас не чуждается жалость, о если
Вы исторгали в беде жертву из смерти самой,
Взор обратите ко мне — я грешил, но грехи мои чисты,
Выврите эту чуму, черную язву, молю.
В душу ко мне заползла, отравила проклятая, — горе!
Оцепенел, не живу. Радость и смех позабыл.
Я не о том хлопочу, чтоб она за любовь полюбила
Или бесстыдство свое девственным смыла стыдом.
Сам исцелиться хочу, — эту пагубу зловную сбросить...
Богв, — о горечь мольбы! — сжальтесь! Я чисто любил.

НА СМЕРТЬ КВИНТИЛИИ

Если могил тишину гробовую радует отзвук
Скорби безрадостной, Кальв, голос печали живой,
Голос о том, как тоской мы любовь оживляем былую,
Слезы о дружбе былой, канувшей в вечную тьму,
Верь мне,— Квинтилия, Кальв, не о смерти безвременной помнит:
Радует душу ее скорбная наша любовь.

ДРУЖБА

Полно тебе о любом хлопотать так любовно и пылко,
Полно мечтать, что воздаст кто-то добром за добро.
Неблагодарен наш свет и дарить благосклонность бесцельно:
Скучно, пожалуй,— к чему! Даже опасно порой.
Мне никто никогда не мстил так обидно и злобно,
Как отомстил мне один — верный, единственный друг.

НА СМЕРТЬ БРАТА

НА МОГИЛЕ В ТРОАДЕ

Много морей миновал я и много приморских народов,
Чтоб у могилы твоей скорбный исполнить обряд.
Дань запоздалых даров приношу погребальную, брат мой,
Пепел безмолвный, увы, речью тревожу глухой.
Жестокосердна судьба: от меня оторвала живое,
Теплое тело твое,— брат мой возлюбленный, брат!
Но заповеданному закону прапредков покорный,
Я совершаю, как встарь, тризны печальный обряд.
В дар приношенья мои, увлажненные терпкой слезою,
Братской, прими и навек, брат мой, *прости и прощай.*

ГОРТЕНЗИЮ ОРТАЛУ

Если глухая тоска, порожденная скорбию, Ортал,
Так отдалила меня ныне от мудрости муз,
Сладостный выразить стих вдохновенной душой, как бывало,
Разум бессилен, волной бед захлестнуло ее.
Брата печальная тень предо мною,— в пучине забвенья
Бледные ноги его Лета омыла водой.
Урну в унылой дали на Ретейском побережье сокрыла
Почва троянской земли, в прах растирая и пыль.
Ах, никогда мне тебя не увидеть, любимый... Дороже
Жизни мне был, но и впредь буду любить, как любил,
Буду тебя поминать обездоленный в песнях печальных,
Словно Давлийский певец, верный любви соловей:
В гуще тенистой листвы он о гибели Йгила плачет,
Трелью рыдающей нам память о нем бережет.
Все же тебя не забыл я, мой Ортал, в моих сокрушеньях,
И Баттиадовых строк шлю тебе мой перепев,
Чтобы и думать не смел, будто на ветер бросил, впустую,
Просьбу, и вылетело все из моей головы,
Как вылетает порой из-под складок одежды у чистой
Девушки яблоко — дар, брошенный ей женихом:
Мать ненароком вошла,— и вскочила бедняжка, забыла
Яблоко спрятать: оно... выбежало, как на зло,
Прыгнуло на пол, стремглав покатилось, а горе-невеста
Так виновато стоит, вспыхнув до самых бровей.

ПИСЬМО МАНЛИЮ

Ты под ударом судьбы письмо, которое в горе
Слезы писали твои, мне посылаешь, чтоб я
Дружбой моей поддержал потерпевшего в бурю крушенье,
Дальше от смерти увлек выброшенного волной,
Ибо забыться тебе на твоей одинокой постели
Ласковым сном не дает ныне богиня любви.
Не услаждают тебя и творения древних поэтов
Ночью бессонной, когда странно тревожна душа.
Что мне тайть! Я польщен: меня именуешь ты другом
И с нетерпением ждешь новых любовных стихов.
Ждешь,— но в неведение ты о моем злополучии, Манлий,
Ждешь — и срывается с губ: неблагодарен твой гость.
Знай же, в пучине и я роковой безысходности гибну,
И от несчастного впредь счастья даров не проси.
С той зеленой поры, как оделся я белою тогой,
В дни, когда юность моя вместе с весною цвела,
Много любовных стихов сочинил я, не чуждых богине,
Склонной к страстям примешать сладкую горечь любви.
Но оборвала мое баловство любовное с музой
Брата смерть... О скорбы! Брат мой возлюбленный, брат!
Ты, умирая, разбил мое счастье. Вместе с тобою
Рухнул наш дом — погребен в черной могиле твоей:
Все ты увлек за собой в эту тьму, погубил нашу радость,
Все, что питалось твоей сладкой любовью живой.
С гибелью этой любви стихотворство мое и иные
Тонкие блюда ума с болью гоню из души.
Что же ты пишешь: позор пребывать Катутллу в Вероне,

Где даже в высшем кругу принято,— скажет любой,—
Тело холодное греть на постели, увы, одинокой.
Грустно, но где же позор,— это несчастье скорей.
Манлий, прости, если в дар стихов, похищенных скорбью,
Не посылаю тебе: рад бы послать,— не могу.
Да и писателей здесь у меня запас оскуделый.
Все оттого, что живу в Риме — в Риме мой дом,
В Риме осел я, бегут мои годы тревожные в Риме.
Что до Вероны,— один с книгами ящик со мной.
Было б досадно, чтоб ты, обижаясь на случай, подумал,
Будто я скаред какой иль прямодушья лишен.
Верно, тебе не дарю ни стихов, ни книжных новинок:
Я бы охотно их дал — только их нет у меня.

Да, я готов зарыдать. Эти чистые девичьи губы
Грязью нечистой слюны губы сквернили твои.
Даром тебе не пройдет. Берегись, навеки ослаблю.
Звонко старуха молва, кто ты таков, разгласит.

ДВА ПОСЛАНИЯ ГЕЛЛИЮ

* * *

Не до такой слепоты я доверился Геллию, Геллий,
В этой жестокой игре пагубной страсти моей,
Разве не знал я тебя или мнил непреклонным, иль думал:
В нем благородство души помыслов низких сильней.
Я простодушно считал, что не мать, не сестра ему, праео,
Та, чья голодная страсть так изглодала меня.
Если в дни дружбы и впрямь сочетали нас тесные узы,—
Это ли повод, скажи, друга коварно предать?
Геллию — повод: тебя сладострастною радостью полнит
Тайный проступок, когда нечто преступное в нем.

* * *

Часто, тебе угодить от души желая, бывало,
Случая ждал переслать в дар Каллимаха стихи
В робкой надежде, что ты, примиренный со мною, не будешь
Злобными копьями впредь метить в бедовый мой лоб.
Только напрасен был труд, не осилила добрая воля:
Геллий, к молениям моим ты оставался глухим.
Мне-то... копыя твои не страшны,— не укусят Катутлла,
Ты же моими насквозь будешь в отместку пронзен.

Тибулл

ДЕЛИИ

(Фрагмент элегии)

Лей — не жалея! вином утоли мое новое горе.
Веки усталые мне, сон-победитель, сомкни.
Только б никто не будил под Ваховым грузом поникшей
Этой хмельной головы, этой печальной любви.
Люди кругом,— сторожат подругу любимую. Глухо
Замкнута дверь, и угрюм неумолимый засов.
Дверь, своенравная дверь, пусть дождь исхлещет нещадно,
Пусть громовержец тебя молнией в гневе разит.
Дверь, предо мною одним откройся, мольбам уступая.
Крюк, не греми,— я тайком, тихо тебя подниму.
Если безумный язык тебя клял — прости мне безумье:
Я на себя накликал эти проклятья. Взгляни,
Вспомни, не раз моему ты внимала мслящему стону,
Вспомни, венками твои я украшал косяки.
Делия, робость отбрось, обмани неусыпную стражу,
Делия, дерзких в любви любит богиня страстей.
Как благосклонна она, когда юноша к милой стучится
И отмыкает ему девушка хитрым ключом.
Учит богиня тайком соскальзывать с теплой постели,
Учит бесшумно ступать по полу умной ногой,
Учит при муже вести полузнаками переговоры,
Нежные речи прикрыв сетью незначащих слов.

Учит,— но только не тех, кто рабствует в робком безволье,
В страхе не смеет дрожа выбежать в темную ночь.
Разве, когда я брожу по городу в сумраке улиц,
В смутной тревоге, меня не охраняет любовь,
Оберегая от встреч роковых — от ножа мое тело
И от недоброй руки платье на теле моем?

Проперций

(Элегии)

ОТМЕНА ЭДИКТА

Цинтия

Цинтия весела! Закон о браке провален!
Боги, как плакали мы горькой разлуки страшась,
Плакали,— но разлучить сам бог не мог бы влюбленных
Сердцу наперекор,— необорима любовь.
Цезарь? — О, Цезарь велик! Но Цезарь велик, как воитель:
Тьмы покоренных — увы! — мало что значат в любви.
Я палачу под топор подставил бы шею скорее,
Чем ради брачных огней пламя любви угасить.
Только подумай, пройти мимо двери твоей новобрачным,
К ней обернуться в слезах, помня измену свою!
Сны... о какие б тогда моя флейта тебе напевала,
Как бы рыдала она, труб погребальных грустней!
Где мне детей добыть для парфянских триумфов! Солдату
Век от крови моей, как ни труби, не бывать.
Если бы в стан иной — в стан любимой меня провожали,
Кастора чудо-коню: «Что ты плетешься?» — скажу,
Верной любовью к тебе заслужил я великую славу,
И докатилась она до снегопадов Днепра.
Ты одна мне мила, и один я для Цинтии — милый.
Что мне отцовство! Сильней голоса крови любовь.

ВИДЕНИЕ ЦИНТИИ

Души — не отзвук пустой, и смерть — не покой и забвенье.
Из рокового костра вылетит бледная тень.
Цинтия вдруг предо мной у постели предстала. Недавно
Там, где рокошет река, я погребал ее прах.
Одолевал меня сон, утомленного днем похоронным,
Ложа холодный простор я упрекал в этот час.
Тот же убор волос, что при выносе милого тела,
Те же глаза. Но хитон был у бедра опален.
И на мизинце берилл обглодало невольное пламя,
Да от летейской волны губы так странно бледны.
Голос донесся живой. Дыханьем повеяло. Тонко
Хрустнули пальцы ее слабых заломленных рук:
«Спишь, вероломный? Дружка надежней на свете не сыщешь.
Мог, слабосильный, уснуть? Сон одолел тебя, сон?
Верно уже позабыл веселое бденье в Субуре,
Стертый наличник окна — след от проделок ночных,
Как по веревке к тебе, перевесившись, наземь спускалась,
Попеременно рукой шею ласкала твою.
Как мы грудь о грудь с тобой на распутьях любовно сближались
И под плащами жгли улицу жаром любви.
Где ты, наш тайный союз! Развеяли встречные ветры
Морок обманчивых слов — мимо ушей пронесли.
Что же никто не взывал к умирающей: «Очи, откройтесь!»
Я б испросила денек, если б ты жаждал меня.
Сторож над трупом моим не гремел камышовой трещоткой,
Жесткий осколок плиты мне изголовьем служил.
Кто у могилы моей тебя видел согбенным от горя?
Где ты прожег, покажи, черную тогу слезой?»

Пусть неохота была до ворот проводить, но носилки
Медленней, с миром нести мог бы рабам приказать?
Что ж не радел над костром, зазывая притихшие ветры?
Нард ароматный не лил в тусклое пламя мое.
Ты гиацинты и те пожалел на могиле рассыпать,
Даже кувшин не разбил благоговейной рукой.
К пытке Лигдама! Огнем, раскаленными бляхами мучить!
Знаю, какое вино, бледное, выпила я.
Номе пора прекратить ворожбу,— не укроет отравы:
Как ни колдуй, уличит руку злодейки огонь.
Девка гулящая, тварь, ночное позорище Рима,
Ныне каймой золотой важно дорогу метет.
Шерсть болтушкам на зло навалить с три короба рада
Только за то, что мое им приглянулось лицо.
Только за то, что венки мне Петала на гроб возложила,
Цепи на старых ногах ныне в колодке звенят.
Да и Лаллагу мою, повесив за косы тугие,
Высекли: смела молить именем Цинтии вслух.
Ах, у тебя на глазах мой портрет золотой расплавляла
И на моем же костре ради корысти — и ты...
Нет, воздавать не хочу, хотя ты заслужил, мой Проперций:
Длительным было мое царство в твореньях твоих.
Парок вещаньем клянусь, нерушимою песнею рока,
Пусть мне свирелью звучит голос треглавого пса,
Верной была я тебе. Если лгу, пусть гадюка проклятьем
Ляжет на кости мои и на могиле шипит.
Участь двоякая ждет у реки преисподней усопших,
Разные волны несут легкие сонмы теней.
Вот увлекает волна Клитемнестры позор, Пасифаи,
Мнимой коровы чурбан — чудо Дедаловых рук.
Вот протекли на челне, гирляндами убранным, тени
В мир, где ласкает Зефир роз элизийских поля:
Там благозвучие струн, там Кибелы гремящие диски,
В митрах колеблется хор — плектром лидийским звенит.
Там о недоле своей Андромеда, за ней Гипермистра,
Жен необманных чета, дивные повести ткут:
Жалобно летится рассказ о руках, посиневших в оковах,
Там ледяная стена — матери вечный упрек.

Грозно сказанье другой о злодействе сестер дерзновенных:
Не поднялась у нее на злодеянье рука.
Так этой жизни любовь искупают посмертные слезы.
Пусть! Об измене твоей и вероломстве молчу.
Если ты чувству не чужд, если зелье колдуньи Хлориды
Не полонило тебя — вот мой посмертный наказ:
Пусть Партенія, моя одряхлевшая няня, в покое
Век доживает. Была, вспомни, мила и добра.
Пусть и отрада моя, Латрида,— по службе ей кличка,—
Зеркала не подает новой твоей госпоже.
Все посвященные мне стихи, где Цинтия имя,
Срочно сожги: возносить имя мое прекрати.
Выполоть плющ прикажи на могиле. Он зарослью буйной,
Мягкие кисти склонив, кости мои оплетет.
Там, где Анио, бурля, в берегах протекает лесистых
И где слоновая кость к славе Геракла бела,
Там на колонне в стихах мне выбей короткую надпись,
Чтоб горожанин ее мог мимоходом прочесть:
«Здесь в Тибурской земле золотая Цинтия скрыта,
Ныне, Аньен, возрастет слава твоих берегов».
Не презирай же снов, чрез благие врата пролетевших.
Эти блаженные сны нечто пророчат живым.
Ночью мы носимся. Ночь темницы теней отмыкает.
Цербер, и тот по ночам бродит, отбросив запор.
К первой деннице должны мы вернуться к летейским озерам,
Лодка все та же. Подсчет вновь перевозчик ведет.
Пусть же ласкают тебя прелестницы. Скоро навеки
Будешь моим. Истомлю, кости с костями скрещу».
Тяжбу со мной завершив, этот жалобный спор и упреки,
Вновь ускользает, увы, тень из объятий моих.

БЫЧКИ ГЕРКУЛЕСА

В давнее время, когда Геркулес из Эрифии дальней
Гнал от пурпурных стойл бойкое стадо быков,
Там, где долина Валабра затоплена Тибром, где воды
Города на парусах пересекает моряк,
В месте, богатом скотом, на холмах Палатина стоянку
Для утомленных быков гость утомленный нашел.
Но не остались бычки у хозяина, подлого Кака,
В целости: вор осквернил гостеприимства закон.
Местным, туземцем был Как, грабитель из лютой пещеры.
Мог он раздельно из трех глоток слова извергать.
Чтобы следы грабежа откровенного спрятать, обманщик
В логово ловко за хвост втаскивал задом быков.
Бог был свидетель: быки удружили мычанием вору,
Вышибла ярость в притон вора недобрую дверь.
Три головы проломила дубина менальская Каку.
Пал он. И крикнул Алкид: «Эй, веселее, бычки,
Эй, Геркулесовы, эй, нашей палицы подвиг последний,
Дважды добытые, эй, милые, эй да бычки!
Долгим мычанием вы освятите выгоны бычьи,
Римским Форумом быть вашему пастбищу впредь».
Высказал. Жаждой его замучило небо сухое.
Почва кругом жирна — только воды ни следа.
Вдруг он поблизости смех затворниц-девушек слышит.
Кущей в тенистом кругу роща сбегалась вблизи:
Место запретных ключей в заповеднике женской богини,
Доступ к которой на грех был возбранен для мужчин.
Вход к тайнику обвивал повязками пурпур пунийский,
Благоухая, огонь в домике ветхом горел,

Тополь мощной листвой украшал, нависая, обитель,
И укрывались в глуши певчие птицы лесов.
С пылью в сухой бороде прорвался Алкид до порога
И перед входом поверг богу смиренно слова:
«Вас, затейниц святой обители, я умоляю —
Ласково дверь отворив, отдых усталому дать.
В жажде ключа я брожу под журчание влаги незримой,
Я бы и пригоршней рад влагу ручья зачерпнуть.
Вам ли о муже не знать, на плечах удержавшего небо!
Он перед вами: землей ныне я прозван — Алкид.
Кто ж не слышал о делах Геркулесовой славной дубинки,
О неминуемой стреле, бьющей зловредных зверей,
Или о том, как Эреб просветлел пред одним человеком!
Гость примите: земля здесь не радушна ко мне.
Даже будь жрицами вы Юоны жестокосердной,
Мачехи злобной — и та вод не замкнула б своих.
Если мой вид вас страшит или львиная шкура и космы
Этих спаленных волос зноем либийских пустынь,
Знайτε, и я, Геркулес, у Омфалы в платье сидонском
Рабствовал, прялку вертел с шерстью — поденный урок.
Грудь волосатую мне перетягивал мягкий нагрудник:
Но и при жестких руках шустрой служанкой я был».
Кончил Алкид. И ему отвечала маститая жрица.
Белые волосы ей пурпур повязки скреплял:
«Странник, глаза пожалей, уходи из опаснейшей рощи.
Прочь от порога! Ступай! В бегстве спасенье ищи!
Грозно закон от мужчин охраняет запретное место.
Скрытый в обители, мстит жертвенник, остерегись!
Видел, да дорого дал за нагую Палладу Тиресий,
В пору как мылась она, наземь Горгону сложив.
Пусть тебе боги дадут другие источники. Этот
Тайно течет в стороне, здесь, за порогом, для дев».
Так ему жрица. Но гость косяки потрясает плечами.
Яростной жажды сдержатъ трухляя дверь не могла.
Воды ручья исчерпав, победил он кипение жара,
Тут же — и губ не обтер — твердый закон положил:
«Сей уголок приютил меня, невольника рока,
Но не радушна земля ныне к скитальцу была.

Этот высокий алтарь, посвященный стадам возвращенным,
Мощный алтарь, что мои руки сии возвели,
Да никогда у себя не потерпит дев поклоненья:
Без отмщения впредь жажде Геракла не быть».
Ныне того, кто мир своими руками очистил,
Куры, где Таций царил, в Санке божественном чтут.
Здравствуй, святой отец, примиренный с суровой Юноной,
Здравствуй — и книге моей будь покровитель святой.

Овидий

ЭЛЕГИИ

AMORES

ВСТРЕЧА С МУЗАМИ

Старый нерубленый бор стоит уже долгие годы.

Верно, неведомый бог в дебрях таится лесных.

Каплет священный родник в глубине, в сталактитовом гроте,

И отовсюду звучит нежное пение птиц.

Помню, по тропам глухим я бродил под нависшей листвою,

К музе взывая: труду верной приспешницей быть.

Вижу, Элегия вдруг мне навстречу в прическе душистой.

Будто нога у нее чуть подлиннее другой.

Что за осанка, покров тончайший, в очах упоенье.

Стоп хромоту прикрывал этот изящный наряд.

Шагом стремительным вслед выступала Трагедия в гневе:

Буря волос над челом, волоком плащ по земле.

Левой рукою она помавала царственным скиптром.

Ноги лидийский котурн ей до колен обвивал:

«Скоро ль наступит конец твоим бредням любовным? — спросила, —

О стихотворство твое, негой плененный поэт!

Твой легкомысленный вздор у пьянчуг на губах за попойкой,

Все перекрестки полны этих беспутных стихов.

Часто прохожий перстом на тебя, на творца, указывает:

«Вот он, кого укусил в бешенство впавший Амур».

Сказкой города стал, иль не чувствуешь славы бесславной
Вольных проделок своих, влитых в озвученный стих?
Время пришло тебе с тяжким тирсом ступать по подмосткам.
Вдоволь ты медлил. Пора труд величавый начать:
Подвиги храбрых воспой. Содержанье — узда дарованью.
«Вот оно, поприще, вот, где развернусь я, — скажи. —
Шалости музы твоей предназначены нежному полу,
Девушкам. Ходкий товар для молодежи стихи.
Римской Трагедией ты возвеличь мое имя сегодня.
Строгость законов моих дух твой способен принять».
Так изрекла и главой, на узорчатых стоя котурнах,
Пышно и царственно мне трижды кивнула она.
С легкой усмешкой, скосив глаза в ответ ей другая
(Был ли в правой руке миртовый прут, не скажу):
«Что укоряешь меня, Вдохновенная, тяжко словами?
Иль не разлучен с тобой этот карающий тон?
Неравностоящими ты двустрочьями вдруг овладела:
И в поединке со мной бьешься моим же стихом.
До песнопений твоих моим песенкам не дотянуться:
Ты — величавый портал, я — неприметная дверь.
Да, я легка, и, как я, Купидон, мой воспитанник, лёгок.
И содержанье мое, впрочем, не глубже меня.
Все же заслуги мои посильнее твоих: не смогла бы
Многого ты претерпеть, бровью не дрогнув, как я.
Грубой была б без меня мать любовной забавы по хватке:
Ловкой наперсницей я этой богине служу.
Дверь, которую ты не откроешь тяжелым котурном,
Мягко уступит моей вкрадчиво нежной стопе.
Под руководством моим научилась Коринна, обманом
Стража опутав, порог одолевать и засов,
В тунике вольной рывком соскальзывать с теплой постели
И обнаженной ногой красться бесшумно в ночи.
Помню, бывало, не раз я на двери висела прибитой
Днем, не боясь, что прочтет мимо идущий народ,
Даже однажды, когда отлучился сторож суровый,
Вдруг у служанки послем скрылась за пазухой я.
Раз в день рожденья меня ты в подарок послал. Но рабыня
Выдала: варварство! я — долго тонула в воле.

Первый счастливый посев твоей мысли не я ли растила?

Мне ты обязан, что льнет милая ныне к тебе».

Кончила. Я приступил — заклинаю и ту и другую:

Пусть от обоих текут в робкие уши слова.

«Ты — меня скиптром своим и высоким котурном возносишь:

Вот уж возвышенный звук рвется согласно из уст.

Ты — моей смертной любви даешь бессмертное имя:

Не покидай же! стиху длинному краткий придай.

Малое время, чуть-чуть, предоставь мне, Трагедия, сжался:

Труд твой — на веки веков. Ей же я мил — на часок».

Сжалилась. Отпуск дала. «Торопитесь, Амуры. Не долг

Срок. За спиной у меня важное дело стоит».

СНОВИДЕНИЕ

Ночь нависала, и сон мне смежил усталые веки.
Темные образы грез мой возмутили покой.
Видел я склоны холма, заросшие рощей дубовой
На солнцепеке, и птиц множество в гуще ветвей.
Вдаль от подножья в лучах уходили луга зеленея.
Неторопливо журча, влагой поил их ручей.
Сам я под сенью дерев от палящего зноя укрылся:
Но и под сенью листвы зной нестерпимо томил.
Вдруг удивились глаза: меж цветов, корма выбирая,
Белая, белая вся медленно телка брела,
Белая, снега белей, упавшего ранней порошей
В пору, пока не успел снег обернуться водой,
Белая, как молоко парное, с шипящею пеной,
Только нацезенное — свежий овечий удой.
Был ее спутником бык, счастливый супруг-обладатель.
Оба на всходы травы грузно телами легли.
Мирно покоился бык; пережевывал жвачку лениво:
Корм поглощенный ему кормом вторично служил.
Дрема томила быка, расслабляя могучие мышцы,
И рогаосную он голову наземь склонил.
Тут на беду принесли по воздуху крылья ворону.
На зеленеющий дерн села каркунья болтать.
В белую телку она троекратно впивается клювом,
В самую грудь — и кругом белые клочья дождем.
Телка сомнений полна. Помедлив, быка покидает,
Но на груди у нее черная метка — пятно.
Пастбище видит вдали и быков травоядное стадо.
Вкусные травы быки жадно щипали, жуя.

К ним устремилась она, замешалась в могучее племя,
Требуя в дар от земли более сочной травы.
Так разгадай же мое наваждение ночное, гадатель:
Что мне виденье сулит, если правдиво оно?
Кончил я речь. И сказал толкователь ночных сновидений,
Тесный рассказ мой в уме взвесив зерно за зерном:
«Зной, от которого ты под сенью лесной укрывался,
Но не укрылся вполне — жар твоей жгучей любви.
Телка — подруга твоя. Белый цвет чистоте ее сроден.
Бык же — напарник-супруг, тот рогоносец — ты.
Грудь, что ворона во сне проклевала, недоброе значит:
Старая сводня ввела в сладкий соблазн госпожу.
Если быка своего, помедлив, покинула телка:
Впредь холодна и пуста будет постель у тебя.
Кровоподтек на груди, как отметина черная срама,—
Знак, что измена в любви на душу ляжет пятном».
Смолк толкователь... Вся кровь от сердца отхлынула. Холод.
Дрожь. Потемнело в глазах. Ночь пред глазами стоит.

TRISTIA

В ЗИМНИЙ ШТОРМ

Будешь читать — не забудь: в этом томике каждая буква
Создана в бурные дни мною на скорбном пути.
Видела Адрия ширь, как, дрожа, в леденящую стужу,
В пору декабрьских бурь, я эти строки писал.
Помнится, Истм одолев, отделяющий море от моря,
Мы на другом корабле к дальнему берегу шли...
Верно, Киклады тогда изумлялись жару поэта:
Как он под ропот и рев моря бормочет стихи.
Дивно и мне, не пойму, как мой дар не погиб безвозвратно
В этой пучине души, в этом кипенье волны.
Плод отупенья мой жар иль безумья,— не в имени дело:
Но, упоенный трудом, дух мой упавший воспрял.
Часто в дождь и туман мы блуждали по морю слепо,
Гибелью часто грозил Понт под созвездьем Плеяд,
Свет омрачал нам Бодт, Эрминафской медведицы сторож,
Зевом полуночник вод нас поглощал ураган.
Часто хозяином в трюм врывалось море. Но, вторя
Ритму, дрожащей рукой стих за стихом вывожу.
Стонут канаты, скрипят под напором упорного шторма,
Вздыбился, будто гора, гребнем изогнутый вал,
Сам рулевой к небесам воздевает застывшие руки:
Кормчее дело забыл, помощи молит у звезд.
Всюду, куда ни взгляну, только смерти несметная сила.

Смерти страшится мой ум — в страхе молитвы твержу.
В гавани верной спастись? — Ужасает неверная гавань.
Воды свирепы. Увы! Суша страшнее воды.
Козни людей и стихий обоюдно меня удручают.
Робко трепещет душа! грóзны — и меч и волна.
Меч! — да не жаждет ли он этой кровью поэта упиться?
Море! — не славы ль оно ищет, мне гибель суля?
Варвары слева грозят: по душе им грабеж да разбой.
Вечно на той стороне войны, да сечи, да кровь.
Моря великий покой возмущают зимние бури:
В этих свирепых сердцах волны свирепствуют злей.
Тем снисходительней будь ко мне, мой строгий читатель,
Если мой стих, как стих, ниже высоких похвал.
Я не в садах у себя пишу, как, бывало, писали.
Друг мой, уютный диван, где ты, опора костям?
Носит пучина меня в бледном свете полярного полдня,
Темнозеленая зыбь брызгами лист обдает.
В злобе лютует зима, негодует завистница: смею
Все же писать под свист колких укусов-угроз.
Бьет человека зима. И пусть ее! Милости просим.
Каждому — мне и зиме — песня своя дорога.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В РИМЕ

Только предстанет очам той ночи печальной картина,
Ночи последней, когда с Римом прощалась душа,
Только припомню, как я покидал все, что дорого сердцу,
И набегаёт слеза — медленно каплей ползет.
Время к рассвету текло, когда из Италии милой
Мне удалиться велел Цезарь, как Цезарь велит.
Срок для сборов был скуп: ни с духом собраться, ни с мыслью...
Ошеломленный, немой, долго я был в забытьи.
Не было сил поручить провожатым и слугам заботу
Денег, одежды запас, нужный изгнаннику, взять.
Словно столбняк на меня... Как громом небес пораженный,
Смертью не принят, живой: жив иль не жив — не пойму.
Все же затменье ума пересилила горесть разлуки:
Я из беспамятства тьмы медленно к свету пришел
И огорченным друзьям в утешение вымолвил слово:
Да, поредела толпа — двух или трех насчитал.
Сам я рыдал, и меня, рыдая, жена обнимала.
По неповинным щекам слезы струились дождем.
За морем дочь, далеко — у побережья Либийской пустыни,
Не долетала туда грустная весть обо мне.
Здесь же стенанье и плач: будто плакальщиц хоры в хоромах,
Будто хоронят кого многоголосой толпой.
Жены и мужи по мне, по усопшему, дети горюют,
В каждом глухом уголке вижу я слезы и скорбь.
Если ничтожное мы уподобить великому вправе,—
Трое захваченной был ныне подобен мой дом.

Ночь. Не звенят голоса ни людей, ни встревоженной своры,
В небе высоком луну мгlistые кони несли.
И в озаренье ее различил я вблизи Капитолий:
Тщетная близость — увы! — к ларам печальным моим.
«Силы верховные, вы, сопрестольные боги, — воззвал я, —
Храмы священные, впредь видеть мне вас не дано.
Я покидаю богов, хранителей града Квирина:
Век благоденствовать вам — с вами прощаюсь навек.
И хотя поздно греметь щитом, когда рана смертельна,
Не отягчайте враждой бремя изгнанника мне.

О передайте, молю, небожителю-мужу: повинен
Я в заблужденье, но чист от преступленья душой.
Ведомо вам, — так пусть покаравшему ведомо будет;
Если помилует бог, — к счастью мне путь не закрыт».
Так я всевышних молил. Еще жарче молила подруга,
И задохались мольбы от содроганий и спазм.
В космах рассыпанных кос перед ларами в горе поверглась,
Губы дрожат, к очагу льнут: но погас мой очаг.
Сколько горчайших слов изливала на хмурых пенатов,
Мужа оплакивая, — только бессильны слова.
Ночи стремительный бег не позволил мне далее медлить.
В небе Медведицы ось низко ушла под уклон.
Что предпринять? Увы! Любовь не привяжет к отчизне.
Был предуказан уход в эту последнюю ночь.
Помню, бывало, не раз говорил торопившему: «Полно,
Что ты торопишь! Куда? да и откуда? Пойми».
Помню, бывало, не раз назначал я час расставанья,
Этот обманчивый час, крайний, последний мой час.
Трижды ступал на порог, и трижды меня отзывали,
И отступала опять, сердцу внимая, нога.
Я говорил им: «Прощай» — и снова бессвязные речи,
Снова даю поцелуй — вечный, предсмертный «прости».
Снова твержу порученья, все те же, обманом утешен,
И оторвать не могу глаз от любимых моих.
Выкрикнул: «Что мне спешить? Впереди — только Скифия, ссылка.
Здесь покидаю я Рим. Вправе помедлить вдвойне.
Боги, живую жену от живого живой отрывают,

Дом, домочадцев моих — всё покидаю навек.
И, собутыльники, вас, друзей, так по-братски любимых...
О мое сердце, залог дружбы Тезеевой, плачь!»
Их обнимаю... Еще... невозбранно. Но вскоре, быть может,
Мне возбранят, навсегда. Скорбен дарованный час.
Плачем, роняем слова. А в небе предвестником грозным,
Утренней ранней звездой, вспыхнул, как рок, Люцифер.
Не расставание, нет! Это плоть отрываю от плоти:
Там осталась она — часть моей жизни живой.
Метта диктатора так разрывали каратели кони,
В разные стороны мчась: был он предателем — Метт!
Помню ропот и вопль — голоса моих близких. О боги!
Вижу неистовство рук — рвут обнаженную грудь.
Плечи мои обхватив, жена не пускает, повисла.
Скорбную речь примешав к мужним горячим слезам:
«Нет, ты один не уйдешь. Вместе жили и вместе в дорогу.
Буду я в ссылке тебе, ссыльному, ссыльной женой.
Мне уготовлен твой путь. И я на край света с тобою.
Малый прибавится груз к судну изгнания, друг.
Цезаря гнев повелел тебе покинуть отчизну.
Мне состраданье велит: Цезарь, мой Цезарь — оно!»
Так убеждала жена, повторяя попытки былые.
Сникла бессильно рука перед насильем нужды.
Вырвался. Труп ли живой? погребенный, но без погребенья..
Шерстью обросший иду, дикий, с косматым лицом.
Милая, — слух долетел, — от горя до сумерек темных,
Рухнув, на голой земле в доме лежала без чувств.
Тяжко привстала потом, заметая грязь волосами,
Медленно выпрямив стан, окоченелый в ночи,
Долго оплакивала — то себя, то дом опустелый,
То выкликала в тоске имя отторгнутого.
Так горевала она, как если бы дочери тело
Видела рядом с моим на погребальном костре.
Смерть призывала она: умереть и забыться навеки.
Не по охоте жива — только, чтоб жить для меня.
Помни же, друг, и живи. Об изгнаннике помни... О судьбы!
Помни, живи для него — участь ему облегчи.

ЗИМА В ТОМАХ

Если в столице у вас об изгнаннике помнят — Назоне,
Если живет без меня в Городе имя мое,
Там, далекó, далекó, где и звезды в море не сходят,
Там обретаюсь во тьме варварства — варварских орд.
Дики кругом племена: Сарматы, да Бессы, да Геты...
Сборище темных имен — мне ли, поэту, под стать?
В пору тепла мы живем под широкой защитой Дуная:
Волн бурливый разлив — вражьи набегаи рубеж.
Лету на смену зима угрюмые брови насупит,
В белый, как мрамор, покров землю оденет мороз,
В дни, пока дует Борей и свиреп снегопадами Север,
Терпит покорно Дунай дрожь громающих арб.
Снег да метель. Ни дожди, ни солнце тот снег не растопят.
Крепче и крепче его в броню сбивает Борей.
Прежней еще не смело, а новый все валит и валит,
Так и лежит кое-где век от зимы до зимы.
Тут ураган налетит, — ударит и с грохотом рушит
Башни, равняя с землей, кровлю рванул — и унес.
Кутают тело в меха, в шаровары из шкур, когда люто
За душу стужа берет: только лицо на ветру.
Льдинки звенят при ходьбе, свисая с волос и качаясь,
И от мороза бела, заледенев, борода.
Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда;
Вынут из кадки — не пьют: колют, глотая куском.
Высказать вам, как ручки промерзают до дна от морозов,
Как из озер топором ломкую воду берут?
Равен Дунай шириной папирусоносному Нилу.
Многими устьями он в мощный втекает залив.

Вод синеокую даль он, ветрами сковав, замыкает,
И под броней ледяной к морю сокрыто скользит.
Там, где сверкало весло, пешеходы ступают, и звонко
Режет копыто коня гладь затвердевшую волн.
По новозданным мостам, над скользящими водами цугом
Варварский тащат обоз шеи сарматских быков.
Верьте, не верьте, но нет мне корысти враньем пробавляться,
И очевидцу не грех полную веру давать...
Вижу ледовый настил, уходящий в безбрежные дали,
Скользкая сверху кора сжала безмолвие вод.
Мало увидеть — иду: я по твердому морю шагаю,
И под стопой у меня влага не влажной была.
Будь твой пролив роковой, Леандр, таким же когда-то,
Мы не вменяли б ему юноши гибель в вину.
Ныне дельфинам невмочь, изогнувшись, мелькнуть над
ВОЛНОЮ.

Пусть попытаются: лед сломит игривую пруть.
Пусть, свирепая, Борей гремит, порывая крылами,
Воды не дрогнут: тиха в сжатой пучине вода.
Сдавлены льдами, стоят корабли в этом мраморе моря,
И не разрезать веслом оцепенелый простор.
Вижу в прозрачности льдов застывших рыб вереницы,
Меж замороженных див есть и немало живых.
Только, бывало, скует свирепая сила Борей
Воды морские иль рек вольнолюбивый порыв,
Только проглядят Дунай Аквилоны дбсуха, тотчас
Варвар на резвом коне хищный свершает набег.
Варвар! — силен он конем и далеко летящей стрелою:
Опустошает широко землю соседей сосед.
Жители — в бегство: беда!.. В полях, никем не хранимых,
Хищники дикой ордой грабят покинутый скарб,
Скудное грабят добро — и скот, и скрипучие арбы —
Все, чем сыт и богат наш деревенский бедняк.
Кто не укрылся, того, заломив ему за спину руки,
Прочь угоняют: прости, дом и родные поля.
Прочие жалко падут под зубчатыми стрелами. Варвар
Жало крылатой стрелы в капельный яд обмакнул.
Все, что врагу унести иль угнать не по силам, он губит:

И пожирает огонь скромные избы селян.
Даже в дни мира дрожат, трепеща перед зимним набегом,
И не взрывает никто плугом упорной земли.
Здесь — или видят врага, иль боятся, когда и не видят,
И пребывает земля в дебрях степных целиной.
Здесь под сенью листвы виноградная гроздь не свисает.
Пенистым сусликом по край не заполняется кадь.
Яблоко здесь не растет. Не нашел бы Аконтий приманки,
Чтобы на ней написать, — только б Кидиппа прочла.
Голые степи кругом: ни деревьев, ни зелени — голо.
Не для счастливых людей гиблые эти места.
Да, до чего широко раскинулись мир и держава!
Мне в наказанье дана именно эта земля.

ВЕСНА

Год на исходе. Зефир холода умеряет. Докучно
Тянется для томитян зимний томительный срок.
Золоторунный баран, не донесший до берега Геллу,
В небе уравнивает длительность ночи и дня.
Весело юным рукам собирать полевые фиалки,
Дань деревенской красы — сами фиалки взошли.
В пестроузорчатый плат рядятся луга, зацветая,
Птица встречает весну горлом болтливым: ку-ку!
Только б вину искупить, под стропилами крыш хлопотливо
Ласточка, грешная мать, гнездышко птенчикам вьет.
Выпрыснул злак из земли, в бороздах таймый Церерой,
Чуть огляделся — и ввысь гянется нежный росток.
Всюду, где зреет лоза, проступают почки на ветке,—
Только от Гетской земли лозы мои далеки.
Всюду, где есть деревá, набухают буйно побеги,—
Только от Гетской земли те деревá далеки.
Ныне... там отдых в честí. Отошли говорливые тяжбы
Красноречивых витий Форумá. Играм черед.
Тут скаковые дела, тут на копьях, мечах поединки,
Дротики мечут, звеня вертится обруч юлой.
Юность проточной водой, из источника Девы, смывает
С тел, утомленных борьбой, масла лоснящийся след.
Сцена царит. Горячи взрывы жаркие рукоплесканий.
Три театра гремят форумам трижды взамен.
Трижды счастливы! стократ! числом не исчислить все счастье
Тех, кому в городе жить не возбраняет приказ.
Здесь же... я вижу, снега растопило вешнее солнце,
Не пробивают уже проруби в тверди озер.

Море не сковано льдом. И погонщик сармат, понукая,
Не волочит через Истр нудный скрипучий обоз.
Медленно будут сюда прибывать одинокие шкуны:
Будет качаться корма — гостя понтийских причал.
Я поспешу к моряку. Обменяюсь приветом. Узнаю:
Кто он, откуда, зачем прибыл, из дальних ли мест?
Диво, коль он не пришлец из ближайших приморских окраин
И безопасным веслом не взбороздил нашу зыбь.
Редкий моряк поплывет из Италии таким морем,
Редко приманит его берег унылый, без бухт.
Если же гость обучен латинской иль эллинской речи,
Звуком пленит дорогим — есть ли что сердцу милей!
Только обычно сюда от пролива и волн Пропонтиды
Гонит, надув паруса, ветер попутный суда.
Кем бы там ни был моряк, но отзвук молвы отдаленной
Все ж перескажет и сам станет ступенью молвы.
Только бы он передал о триумфах Тиберия слухи
И об обетах святых Августа — бога страны,
И о тебе не забыл, бунтовщица Германия: низко ль
Ты к полководца ногам грустной склонилась главой?
Кто перескажет, тому — хоть прискорбно, что сам я не видел, —
Двери в доме моем я широко распахну.
В доме? — Увы мне, увы! Дом Назона не в дебрях ли скифских?
И не свое ли жилье Кара мне в лары дала?
Боги, пусть эту юдоль каратель не домом до гроба —
Только приютом на час, долей случайной сочтет.

СОЖЖЕНИЕ «МЕТАМОРФОЗ»

Если с плющом на челе мой портрет у тебя сохранился,
Праздничный Вакхов венок сбрось с его гордых волос:
Этот веселый убор подобает счастливым поэтам,
Но не опальной главе быть изваянной в венке.
Что говорю! Притворись, будто ты не услышал признанья,
Сердцем пойми,— иль зачем носишь на пальце меня?
Ты в золотой ободок мой образ оправил, и ловит
В нем дорогие черты друга-изгнанника взор.
Смотришь, и, мнится, не раз замирал на губах твоих возглас:
«Где ты, далекий мой друг и собутыльник, Назон».
Благодарю за любовь. Но стихи мои — высший портрет мой.
Их поручаю тебе, ты их по дружбе прочти:
О превращенье людей повествуют они, чередуясь.
Труд довершить до конца ссылка творцу не дала.
Я, удаляясь, тогда в сокрушенье своими руками
Бросил творенье свое в пламя...— и много других
Ты Мелеагра сожгла, родимого сына, Алфея,
Испепелив головню, мать уступила сестре.
Я, обреченный судьбой, мою книгу, мой плод материнский,
Сам погибая, обрек жарким объятьям костра,
Муз ли, повинных в моем прегрешении, возненавидя?
Труд ли, за то, что незрел и словно щепень шершав?
Но не погибли стихи безвозвратно — они существуют:
Много гуляло тогда списков тех строк по рукам,
Пусть же отныне живут, услаждая досуг не бесплодно
Тем, кто читает стихи. Вспомнят они обо мне.
Впрочем, кто в силах прочесть не досадуя, если не знает,
Что завершающий лоск мной не навѣден на них.

Труд с наковальни был снят, недокованный молотом. Тонко
Твердый напильник его отшлифовать не успел.
Не похвалы я ищу, а милости. Счел бы за счастье,
Если, читатель, тебе я не наскучу вконец.
Ты шестистрочье мое в заголовке вступительной, первой
Книжки моей помести, если готов предпослать.
«Свитка, утратившего стихотворца, рукой ты коснулся.
Место да будет ему в Городе отведено.
Благоволение излей, памятуя: не сам сочинитель
Свиток издал. Он добыт, верно, с его похорон».
Если погрешность найдешь в неотделанных строках, охотно
Я бы исправил ее... но не судила судьба.

ПЕРВАЯ ОТПОВЕДЬ

Что ты злорадно, наглец, над моею бедою ликуешь,
Кровью дыша, клеветой усугубляешь вину?
Ты из утробы скалы народился, выкормок волчий,
Я говорю: у тебя — камень в бездушной груди.
Где же предел, укажи, где вал твоей ярости схлынет?
Иль не до края полна горести чаша моя?
Барваров орды кругом, берега неприютного Понта,
Шаг мой и вздох сторожит звездной Медведицы взор.
Слышу дикарский язык. Перемолвиться не с кем поэту.
Только тревога да страх в этих недобрых местах.
Словно олень на бегу, наскочивший на лапы медвежьи,
Словно овечка в кольце горных свирепых волков,
Так в окруженье племен воинственных, степью теснимый,
Ужасом сжатый, живу: враг что ни день на плечах.
Или за милость мне счесть эту казнь? подруги лишенный,
Родины, дружбы, детей, — здесь, на чужбине, один?
Иль не карают меня? — только Цезаря гнев надо мною?
Но разве Цезаря гнев — малая кара и казнь?
Есть же любители, есть, растравлять незажившую рану
И распускать языком сплетни о нраве моем!
Где возражать не дано, там любой краснобай — громовержец.
Все, что потрясено, наземь свалить легко.
Башен оплот сокрушать — высокой доблести дело,
То, что упало, топтать — подлого труса почин.
Нет, я не то, чем я был. Что же призрак пустой поражаешь?
Камни, один за другим, мечешь в мой пепел и прах?
Гектор воитель, в бою — был Гектором. Но, по равнине
Жалко влачимый в пыли, Гектором быть перестал.

Не вспоминай же, каким ты знавал меня в годы былые:
Только подобие я — бывшего смутная тень.
Что же попреки ты эту тень язвишь и бичуешь?
О, пощади, не тревожь мрака печальной души.
Пусть, так и быть, полагай, что мои обвинители правы,
Что заблужденье мое умысел злой отягчил,
Вот я — изгнанник, взгляни, насыть свою душу! Двойную
Кару нес: тяжка ссыльному глушь и судьба.
Даже палач площадной оплакал бы жребий поэта.
Все же нашелся судья кару завидной признать.
Ты Бузирида лютей, ты зверее безумца, который
Медленно, зло раскалял медное чрево быка,
Сам же, глупец, подарил свою медь Сицилийцу-тирану,
Так восхваляя ему изобретателя дар:
«В этой диковине, царь, механизм превосходит картинность,
В ней не одна красота форм вызывает хвалу.
Створка чудесная здесь на боку быка притаилась.
Хочешь кого погубить — тело в отверстие брось.
Бросил — и жги не спеша, жар огня нагнетая... И тут-то
Бык замычит, — и живым будет мычанье быка.
Дай мне за выдумку, царь, за подарок высокий подарок,
Чтобы достойна творца эта награда была».
Высказал. Тут Фаларид воскликнул: «О выдумщик дивный,
Сам на себе испытай дивного вымысла мощь».
Долго ли, коротко — вдруг, жестоким терзаемый жаром,
Длительный рев испустил выдумщик мудрый мыча.
Сгинь, сицилийская быль! Далекó ты от скифов и гетов.
Я возвращаюсь в тоске, кто бы ты ни был, к тебе.
Что же, скорей утоляй свою жажду кровью поэта,
Празднуй, ликуй, до конца жадное сердце потешь.
Я по пути испытал столько бедствий на суше и море,
Что злополучья мои тронули б даже тебя.
Если бы с ними сравнить скитанья Улисса, поверь мне,
Гнева Нептуна сильнее грозный Юпитера гнев.
Как бы ты ни был могуч, а я грешен — греха не касайся,
Руки жестокие прочь! не бери моих ран.
Пусть заглохнет молва о «злодействе» поэта Назона,
Дай затянуться рубцом этим минувшим делам.

Вспомни о судьбах людских! Переменчивы судьбы: возносят
Ныне, а завтра гнетут. Бойся, всему свой черед.
Ты к испытаньям моим проявляешь чрезмерное рвенье.
Я бы мечтать не посмел о дружелюбье таком.
Не благоденствую, нет. Опасенья напрасны. Уймись же!
Горе за горем влечет Цезаря гнев за собой.
Чтобы проникся, постиг, не за вымыслы счел мои скорби:
Дай тебе бог испытать ту же печаль и судьбу.

ВТОРАЯ ОТПОВЕДЬ

Негодовать иль молчать? Скрыть имя иль имя на площадь,
 На всенародный позор низкую душу твою?
 Не назову. Умолчу. Не хочу обессмертить упреком:
 Славу сыскал бы тебе стих мой, ославив тебя.
 В дни, когда барка моя опиралась о прочное днище,
 Первым ты вызвался, друг, под моим парусом плыть.
 Хмуρο фортуны лицо, и ты — о, понятно, понятно! —
 Ты на попятный... Беда! Помощи ждут от тебя.
 Ты и видать не видал и слышать не слыхал о Назоне:
 Кто он? Что за Назон — в знатном кругу имен?
 Я — тот Назон, это я, припомни, тот самый, который
 Чуть не с пеленок с тобой спаян был дружбой слепой,
 Тот, кому первому ты поверял неотложное дело,
 Кто и в забавах твоих первым затейником был.
 Я — тот сожитель и друг — ближайший, теснейший, домашний,
 Музой единственною был я тогда для тебя.
 Да, это я! Обо мне не спросил твой язык вероломный:
 Жив ли я, умер и где — мало печали тебе.
 Или, меня не любя, ты притворно разыгрывал дружбу?
 Или притворству был чужд — значит, пустышкой был.
 Что ж оттолкнуло тебя? Душа от обиды изныла?
 Если нет правды в тебе, терпкий упрек мой правдив.
 Что же, какая вина вдруг преградою стала былому?
 Мне ли вменяешь в вину грустную участь мою?
 Мог не оказывать мне услуг ни словом, ни делом,
 Но на бумаге черкнуть мог бы словечко, как друг?
 Я не поверил ушам, будто ты надо мной, над лежачим,
 Подло глумился, меня, слов не щадя, поносил.

Что ты творишь, слепец! Фортуна изменчива. Что же
Ты сострадания себя, слез при крушенье лишил?
Ах, неустойчивый шар выдает легковесность богини:
Кончиком шаткой ноги счастье на шаре стоит.
Листика легче она, дуновения ветреней, вздоха...
Только твоя пустота легкости этой равна.
Все человеков дела на тончайшей подвешены нити,
Случай — и рушится вдруг несокрушимый оплот.
Кто на земле не слышал о богатстве невиданном Креза!
Жалкою жизнью, и той стал он обязан врагу.
Или тиран Сиракуз, пред которым страна трепетала,
Перебивался едва черной работой, как раб.
Вспомни Великого! Он, величайший, снизив октаву
Перед клиентом, просил кротко помочь беглецу.
Также другой властелин земли от края до края,
Мироправитель, терпел горшую в мире нужду:
Сам триумфатор, гроза, сокрушитель Югурты и кимвров,
Консул, венчающий Рим славой все новых побед,
Марий — в трясины болот, в тростники зарывался под тину,
Сколько же сраму его славе пришлось претерпеть!
Властно играет в делах человеческих тайная сила.
Разум доверчив — увы! — верен ли нынешний час?
Если б мне кто предсказал: «Ты уйдешь в край далекий Евксина,
В страхе пред гетской стрелой будешь с оглядкою жить», —
Я бы ответил: «Пророк, выпей сок, очищающий разум,
Иль чемеричный настой — тот антикирский травник».
Но испытанье пришло. Избежать карающей длани
Смертного мог бы, но рук бога богов — не могу.
Так трепещи же и ты. Вот мнится: забрезжила радость,
Слово еще на губах. Глянь! обернулась в печаль.

РАССКАЗ СТАРОГО СКИФА

(Фрагмент)

Как-то в кругу томитян говорил я о доблести вашей
(Я и по-гетски могу и по-сарматски болтать).
Некий старик среди нас на мое восхваленье такую
Речь величаво повел звонкому слову в ответ:
«Гость дружелюбный, и нам слово «дружба» — не чуждое слово
В этом далеком от вас, Истром омытом краю.
В Скифии есть уголок, именуемый древле Тавридой —
Бычьей Землей. Не года скачут от Гетов туда.
Там я близ Понта рожден. Не к лицу мне стыдиться отчизны.
Фебу, богиню, чтят жертвами жители гор.
Там и поныне стоят на плечах колонн-великанов
Храмы, и к ним переход — в сорок ступеней пролет.
Статуя с неба сошла, по преданию, в эту обитель.
Верно, молва не пуста: цоколь от статуи цел.
Жертвенник в камне скалы сверкал белизною природной:
Ныне он тускл и багров, кровью пропитанный жертв.
Жрица безбрачная там роковые вершила обряды:
И превышала она знатностью скифских невест.
Грозен обычай веков, заповеданный предками скифам:
«Да упадет под мечом девственным жертвой пришелец».
Мощно царил там Фоант, знаменитый по всей Меотиде.
Берег Евксинский не знал мужа славнее, чем он.
И притекла, говорят, Ифигения, некая дева,
В годы державства его к нам по воздушным волнам:
Будто ее ветерки, под облаком в небе лелея,
Волею Фебы, как сон, в эти места увлекли...
Многие годы она алтарем управляла и храмом,

С грустью невольной рукой скорбный обычай блюдя.
Вдруг занесли паруса двух юношей к храму Тавриды.
На берег вольной ногой оба ступили смеясь.
Возрастом были равны и любовью. Молва сохранила
Их имена — и звучат ныне: Орест и Пилад.
Юношей жадно влекут к алтарю беспощадной богини
Тривии. За спину им руки загнули враги.
Вот их кропит водой очистительной жрица-гречанка,
Рыжие кудри друзей длинною лентой крепит,
Их обряжает она, виски обвивает повязкой.
Для промедленья сама ищет в смущенье предлог.
— Я не жестока, о нет! Простите мне, юноши,— молвит,—
Варварский этот обряд горше мне варварских мест.
Скифский обычай таков. Но какого вы племени люди?
Столь злополучно куда держите путь по морям? —
Смолкла. И слышит она священное родины имя,
Милых сограждан своих в пленниках вдруг узнает.
Глухо бормочет: «Один из двоих обречет себя в жертву,
Вестником в отчий дом пусть воротится другой».
Жертвой наметив себя, в путь Пилад торопит Ореста.
Друг отвергает. За смерть жаркая тяжба идет.
В праве на смерть не сошлись. Других разногласий не знали.
Спорят: кому из двоих душу за друга отдать.
Длится меж юношей бой — состязанье в любви беззаветной.
К брату дева меж тем трудно выводит письмо.
Брату наказы дает. Но тот, кому дева вручала,
Был — о превратность судеб! — братом и был ей родным.
Образ богини втроем похищают немедля из храма,
К морю тайком... и корма пенит безбрежный простор.
Канули годы, века, но образ дружбы высокой
Юношей чтят и досель в Скифии, в темной стране». —
С детства знакомую был так закончил старик незнакомый,
Все похвалили рассказ — честности добрый пример.

ПОСЛАНИЕ СЕВÉРУ

Это письмо — о поэт! — царей величайший потомок,
Прямо от Гетов к тебе, шерстью обросших, идет.
Странно, что имя твое, — прости мне стыдливую правду, —
Имя Севéра в моих книжках нигде не звучит!
Прозой суровой у нас переписка очередная
Не прекращалась, но был в пренебрежении стих.
В дар не слал я тебе элегий на добрую память:
Что мне дарить! — Ты сам и без меня одарен.
Кто бы дарил Аристею мед, Триптолему пшеницу,
Вакху терпкий фалерн иль Алкиною плоды?
Духом ты плодovit и в кругу жнецов Геликона
Жатву тучнее твоей вряд ли собрат соберет.
Слать стихотворцу стихи — что дубраве зеленые листья,
Вот где корень моей скромной задержки, Севéр.
Впрочем, и я уж не тот: оскудел талантом, — похоже,
Будто побережья пески плугом впустую пашу;
Или как ил забивает протоки подводные грязью
И при заглохших ключах дремлет течение вод, —
Так и душу мою илом бедствий судьба запрудила,
И оскудевшей струей стих мой уныло течет.
В этой глухой стране сам Гомер, поселенный насильно,
Стал бы меж Гетами впрямь Гетом до корня волос.
Не укоряя же, я слаб и ослабил поводья работы,
Редко теперь вывожу буквы усталой рукой.
Тот сокровенный порыв, питающий душу поэтов,
Обуревавший меня некогда, — где он? — Иссяк,
Чуть шевелится, ползет. На таблички нудная муза
Будто насильно кладет нехотя пальцы мои.

И наслажденье писать — лишь тень наслажденья былого.
Как-то безрадостно мне в ритмы слова сопрягать.
Иль оттого, что плоды стихотворства не сорваны мною?
Сорваны! Горек был плод, — в том-то и горе мое.
Иль оттого, что слагать стихи, когда некому слушать,
То же, что гордо во тьме в такт, словно в танце, ступать.
Слушатель пыл придает, от хвалы дарование крепнет.
Слава, как шпоры коню — вихрем взнесет до небес.
Здесь же... читать стихи?.. Но кому? — белокурым кораллам?
Или иным дикарям-варварам Истра-реки?
Что же, скажи, предпринять при таком одиночестве? Праздность
Чем мне заполнить? И как длительный день скоротать?
Я не привержен к вину и к метанью костей, когда время
Так неприметно бежит в смене удач — неудач.
Землю пахать?.. Я бы рад, — да злая война не радует:
В этом свирепом краю плугом не взрыть целины.
Что ж остается? — Одна отрада холодная — музы.
Нет, не к добру послужил мне этот дар Пиерид.
Ты же, кого побит счастливее ключ Аонийский,
Чти свой удачливый труд, неистребимо люби
И, пред святынею муз благоговей, — для чтенья
Мне на край света сюда новую книгу пришли.

Гораций

ГИМНЫ И МИФЫ

ГИМН ВАКХУ

Я Вакха видел,— верьте мне, правнуки,
Учил он песням в дальней расселине,
И нимфы-ученицы, вторя,
Всё озирались на уши фавнов.

Эвó! трепещет и потрясен мой ум.
Я полон Вакха и ликования.
Зову, дрожу, эвó! пьянею.
О, пощади, не грози мне тирсом.

В стихи виденья просятся: дикие
Бегут вакханки, бьет искрометный ключ
Струей вина, близ рек молочных
Мед из дуплистых деревьев сочится.

В дыму видений к звездам возносится
Стан Ариадны. Вижу, как рушится
Чертог безумного Пентея,
Вижу Ликурга фракийца гибель.

Ты оплетаешь реки притоками,
Ты укрощаешь море индийское,
Ты волосы менад, хмелея,
Вдруг перетянешь узлом змеиным.

Ты опрокинул Рета, грозящего
Свирепой пастью, лапами львиными,
 Когда гиганты штурмовали
 Трон Олимпийца ордой безбожной.

Хотя ты склонен к пляске и пению,
К игре и шуткам и не для битв рожден,
 Не мастер наносить удары,—
 Равен ты мощью в войне и в мире.

Тебя увидя, золоторогого,
У врат айда, Цербер, виляющий
 Хвостом, всей пастью трезязычной
 Лижет покорно твои колени.

ГИМН МЕРКУРИЮ

О красноречивый Атланта отпрыск,
Речью и атлетикой на палестре
Дикарей обычай обративший
В нравы гражданства.

Я тебя, глашатая неба, славлю,
Лиры измыслителя криворогой,
Краж веселых мастера, чуть лукавцу
Что приглянулось.

Некогда пугая тебя, малютку,
Требуя возврата коров, коварно
Угнанных тобою, колчан утратив,
Бог рассмеялся.

Под твоим водительством с грудой злата
Царь Приам покинул твердыни Трои,
Обманул Атридов, огни дозора,
Стан Фессалийский.

Ты в страну блаженства уводишь души
Праведных и толпы теней смиряешь
Золотым уреем, любимый небом
* И преисподней.

ДАНАИДЫ

К лире

О Меркурий, мог Амфион кифарой
Камни громоздить — ученик твой верный:
Так звени же в лад, черепаха! Пой мне,
Щит семиструнный!

Говорливой ты не бывала прежде.
Ныне голос твой — на пиру и в храме.
Так звени же в лад! Да преклонит Лида
Слух прихотливый.

Я б сравнил ее с кобылицей в поле:
Любо ей играть — не дается в руки,
Брачных уз бежит, отбивая круто
Натиск влюбленных.

Лира, за тобой, чаровницей, тигры
И леса толпой. Ты звенишь, и реки
Замедляют бег, и замороженный
Вратарь айда,

Цербер путь тебе уступает: змеи
Злобно по плечам у него клубятся,
Смрадом дышит пасть, и слюна сочится
Из трезычной.

И невольный вздох Иксион и Титий,
Просветлев лицом, издают, и урна
Данаид суха, пока ты жестоких
Песней пленяешь.

Спой же Лиде былль о преступных девах,
Расскажи, за что их карают казнью,
Осудив черпать для бездонной бочки
Воду бессрочно.

Спой об их судьбе и во мраке Орка.
Прокляты они! И на что дерзнули!..
Прокляты! Мужей-новобрачных ночью
Сонных зарезаты!

Но одна из дев, клятвопреступленьем
Осквернив уста, освятила брак свой
И за то почет обрела навеки
Ложью высокой.

«Встань,— сказала,— встань, пробудись, супруг мой,
Пробудись, иль сон непробудным станет.
Тестя обмани и сестер бесчестных,
Встань, мой желанный!

Словно стая львиц меж телят лютуя,
Юношей они в одиночку губят.
Я душой нежна: не убью, не брошу
Друга в темницу.

Пусть отец меня отягчит цепями
Лишь за то, что я пожалела мужа,
Или пусть сошлет на край света морем
К дальним нумидам.

О, беги, молю, без оглядки, милый,
Пока ночь тебе и любовь защитой!
Добрый путь! А мне, горемычной, вырежь
Надпись над гробом».

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Галатее

Пусть напутствует нечестивых криком
Птица бед, сова, или завыванье
Суки, иль лисы, или ланувийской
Щенной волчицы.

Пусть пересечет им змея дорогу,
Чтоб шарахнулись от испуга кони.
Я же в час тревог о далеком друге —
Верный гадатель,

К ворону взову: от восхода солнца
Пусть летит ко мне для приметы доброй,
Прежде чем уйдет пред ненастьем в топи
Вещая птица.

Помни обо мне, Галатее, в счастье,
Для тебя одной все дороги глажу,
Чтобы дятла стук иль ворона слева
Не задержали.

Видишь, как дрожит и тревожно блещет
На краю небес Орион. Несет ли
Адрий черный шторм или Япиг грозы,—
Все прозреваю.

Пусть на вражьих жен и детей обрушит
В бешенстве слепом ураган востока
Злой пучины рев и прибрежный грохот
Скал потрясенных.

О, припомни быль, как Европа, тело
Белое быку, хитрецу, доверив,
Побледнела вдруг: закипело море
Тьмою чудовищ.

На заре цветы по лугам сбирала
И венки плела так искусно нимфам,
А теперь кругом, куда взор ни кинуть,—
Звезды да волны.

Вот на брег крутой многоградный Крита
Выбралась в слезах, восклицая: «Славу
Добрую мою, о отец, и скромность
Страсть победила.

Где? Откуда я? Только смерть искупит
Мой девичий грех. Наяву ли плачу,
Вспоминая срам, или непорочной
Девой играют

Призраки, пустых сновидений сонмы,
Пролетев порог из слоновой кости?
Ах, что лучше: плыть по волнам иль в поле
Рвать повилику?

Если бы сейчас мне попался в руки
Тот проклятый бык, я бы истерзала
Милого дружка, я б рога сломала
В ярости зверю.

Стыд мне, стыд, увы! Позабыть пенаты!
Стыд мне, жгучий стыд! Смерть зову и медлю.
Лучше б мне блуждать среди львов, о боги,
В полдень нагою.

Но пока еще не запали щеки
И бурлива кровь у добычи нежной,
Красотой моей, о моллю, насытите
Тигров голодных».

«Жалкая,— твердит мне отец далекий,—
Что ж не смеешь ты умереть, Европа?
Пояс при тебе. Вот и яшень. Только —
Петлю на шею.

Иль тебе милей об утесы биться,
О зубцы камней? Так вверяйся буре,
И раздумье прочь!.. Или ты, царевна,
Предпочитаешь

Быть второй и шерсть теревить для ложа
Варварки, твоей госпожи?» Горюет
Дева, и, смеясь, так коварно внемлет
Плачу Венера

И Амур-шалун с отзвеневшим луком.
А повеселясь: «Берегись,— ей молвит,—
Удержи свой гнев, коль рога преклонит
Бык примиренно.

Знай, тебя любил, как жену, Юпитер.
Так не плачь навзрыд и судьбу Европы
С гордостью носи. Твое имя примет
Вскоре полмира».

ПАРИС-ПОХИТИТЕЛЬ

Вез Елену Парис по морю в отчий дом,
Опозорил пастух гостеприимный кров.
Вдруг Нерей спеленал ветры гульливые,
Судьбы грозные провещал:

«Не к добру ты добыл в жены красавицу,
Будет день — соберет Греция воинство:
Поклянется оно грешный расторгнуть брак
И обрушить Приамов град.

Сколько поту прольют кони и воины!
Горе! Сколько могил роду Дарданову!
Наготове эгид, и четверня гремит
Пред Палладой неистойой.

О, напрасно, Парис, будешь расчесывать
Гордо кудри свои, будешь кифарою —
Негой песен пленять женщин забывчивых,
Тщетно будешь в альковной мгле

Укрываться от стрел кносского лучника,
И от гула борьбы и от погони злой:
Неотступен Аянт — поздно, увы! Лишь пыль
Умастит волоса твои.

Оглянись, уж летит гибель троянская —
Лаэртид, а за ним видишь ли Нестора?
Настигает тебя Тевкр Саламинянин
И Сфенел — он и в битве смел,

И конями рукой правит искусною.
В бой вступил Мернон. Фурией взмыл, летит:
Вот он, бешеный, вот,— ищет в бою тебя
Сам Тидит, что страшной отца.

Как в ложбине, вдали волка завидя, мчит,
Вкус травы позабыв, серна стремительно,
Так, дрожа, побежишь, еле дыша, и ты,—
Это ли обещал любви?

Долгий гнев кораблей, силы Ахилловой,—
Илиону продлит срок перед гибелью:
За зимою зима... Испепелит дотла
Огнь ахейн златой Пергам.

О П О В Э З И И

* * *

Квинту Элию Ламию

Во славу музам горесть и груз тревог
Ветрам отдам я. По морю Критскому
Пусть горечь дум моих развеют.
Буду беспечен и глух. Не слышу.

Какой властитель Арктики грома шлет,
Пред кем трепещет царь Тиридат. О ты,
Пимплея, муза ликованья
Чистых ключей, увенчай, сплетая

Цветы в гирлянду, милого Ламия.
Коль слово косно, так славословь со мной,
Под хор сестер лесбосским плектром —
Песнею Ламия обессмерти!

* * *

(Фрагмент)

Юллу Антонию

Кто дерзает, Юлл, возомнить: «Я — Пиндар»,
Тот взлетает ввысь на воцаных крыльях,
Позабыв, что воск их креплений каплет
В море Икара.

Как стремглав поток, напоенный ливнем,
Мчит, свергаясь с гор, берега смывая,
Так кипит, дыша не устами — бездной,
Пиндар безмерный.

На его челе не увянут лавры —
Громоздит ли он в дифирамбах смелых
Невидаль-слова, для мелодий вольных
Слух приневолив.

Иль полубогов он поет, по праву
Покаравших род роковой кентавров
В дни крылатых битв, когда меркло пламя
Дивной Химеры.

Иль прославит тех, кто с элейской веткой
Словно на Олимп шел под кров родимый,
Дар вверяя им, драгоценней сотни
Статуй, — бессмертье.

Иль оплачет он в утешенье деве
Скорбной жениха, его дух и душу
Золотую, мощь вознесет на звезды,
Орк укоряя.

Только устремит мой диркейский лебедь
К облакам полет, рой ветров, Антоний,
Подхватив, умчит его в небо. Я же
Пчелке подобен,

Что, собирая дань с тимниана медом,
Вьется день-деньской по брегам Тибура
В рощах: так и я изошряюсь в песнях —
Сам невеличка.

ЛЮБОВЬ

* * *

Лице

Если б даже струя Дона далекого
Утоляла тебя в доме у варвара,
Ты меня у твоей двери, продрогшего
На ветру, пожалела бы.

Лица, вслушайся в ночь: створы ворот скрипят,
Там, под кровлями вилл, воем на вой ветров
Отзывается сад, и леденит снега
Сам Юпитер, властитель стуж.

Пред любовью сломи жестокосердие,
Берегись, побежит вспять колесо судьбы,
Иль тиренец тебя недосыгаемой
Пенелопой на свет родил?

Ах, тебя ни мольбы, ни драгоценный дар,
Ни влюбленной толпы бледность — фиалки цвет,
Не прсклонят, ни месть мужу, гречанкою
Уязвленному. Смилуйся,

Пощади! Хотя ты сердцем, как дуб, мягка
И нежней, чем укус змей Мавритании.
Мне ли век под дождем, даже с небес любви,
У порога погоды ждать?

* * *

Лику

Я богов заклинал, Лику,— заклятиям
Вняли боги. Клянусь, ты постарела, да,
А заигрывать рада?
Слыть красавицей? пить? любить?

Запоздалую страсть песней подхлестывать,
Под хмельком вереща: «Эрос!» А он приник
К щечкам Хрии цветущим,
Мастерицы под цитру петь!

Прихотлив, не летит к дубу усохшему,
Мимо,— мимо тебя, мимо, позорище:
Зубы желты, морщины,
Взбились клочья волос седых.

Нет, забудь, не вернут косские пурпур
И камня тебе тех золотых былых
Дней, которые в фастах
Отсчитал календарный рок.

Где же чары твои? Где обаянья дар?
Прелесть пляски? Увы! Где же та Лику, где!
Вся — дыхание страсти,
Чуть поманит — я сам не свой.

Ей на поприще нег даже с Кинарою
Состязаться не грех. Только Кинаре срок
Краткий Парки судили,
А красавице Лике век,

Каркая, коротать старой вороною
На посмешище всем юным искателям
Пылких встреч. Полюбуйтесь-ка:
Факел стал головешкою.

К БОГИНЕ ЛЮБВИ

Мать страстная страстей людских,
Мне Семелы дитя — бог опьянения,
И разгула веселый час
Позабытой любви сердце вернуть велят.

Жжет мне душу Гликеры блеск,—
Ослепительней он мрамора Пáроса,
Жжет дразнящая дерзость,— глаз
Отвести не могу от обольстительной.

Обуян я Венерой: в миг
С Кипра вихрем ко мне — и не опомниться...
Где там скифы! Какой там парф
Скакуна горячит в бегстве обманчивом!

Дерна, мальчики, листьев мне,
Мирта, лавров сюда! мирры, двухлетнего
В чаще жертвенной дать вина!
Жертва склонит любовь быть милосерднее.

ПОЭТУ АЛЬБИЮ ТИБУЛЛУ

Альбий, полно терзать память Гликерою,
Вероломную клясть, полно элегии,
Полуночник, слагать,— знаю, затмил тебя
Мальчуган у отступницы.

К Киру пьяная страсть жжет Ликориду. Лоб
Узкий хмурит она. Кир же к Фолое льнет,
Недотроге,— скорей волки Апулии
Коз покроют непуганных,

Чем Фолоя впадет в грех любострастия.
Знать, Венере дано души несродные
И тела сопрягать уз неразрывностью
По злокозненной прихоти.

Открывалось и мне небо любви, но был
Я Мирталой пленен вольноотпущенной:
Притянула меня яростней Адрия
Близ излучин Калабрии.

ДИАЛОГ

Лидии

Он

Вспомни время, когда тебе
 Был я мил, и другой, шею обвив твою,
Не ласкал тебя в дерзкий час,—
 Верь, блаженней меня не был и царь царей!

Она

Вспомни время, когда и ты
 Не пленялся другой, Лидию милую
Не меняя на Хлою. Верь!
 Я славнее жила сказочной Илии.

Он

Ныне Хлоя владеет мной,
 Песней тешит она, нежит кифарою,
За нее умереть — ничто,
 Только б Хлою мою рок сохранил живой.

Она

Жжет меня, и сама горю,
 Калайд молодой, Орнита пылкий сын,
Дважды мне умереть — ничто,
 Только б рок сохранил много мне живым.

Он

Да?.. А если б наш пыл был
Вдруг вернулся — и вновь скованы страстью мы?
Если б Хлою из сердца прочь,—
Не откроется ль дверь прежняя к Лидии?

Она

Да?.. Хотя он пышнее звезд,
Ты ж скорлупки пустой легче и вспылчивей
Вероломного Адрия,—
Жить с тобой мне милей и умереть с тобой!

* * *

Пирре

Что за щеголь — омыт весь ароматами,
Весь в гирляндах из роз — в гроте так яростно
Стан сжимает твой, Пирра?
Для кого эти локоны

Скромно вяжешь узлом? Ох, и оплачет он,
Будет клясть, и не раз, клятвы неверные,
Будет на море бурном,
Черным тучам в свой черный час,

Удивляясь, глотать соль налипших слез,
Он теперь — золотой, нежною, верною —
Не на миг, а навеки —
Он тобой упоен. Увы,

Ослепительна ты. Горе слепым! А я,
Из пучины едва выплыв, спасителю —
Богу моря одежды,
Еще влажные, в дар принес.

АСТЕРИЯ И ГИГ

Гиг вернется, не плачь! Ветры весной тебе,
Астерия, примчат верного юношу,—

А товары какие
Вывез Гиг из Вифинии!

Гиг вернется,— его к берегу Орика
Нот свирепый занес в пору безумства бурь.

Там в холодной постели
Ночь за ночью он слезы льет.

Был подослан женой юной хозяина
К Гигу сводник: «Больна Хлоя, несчастную

Твой же пламень сжигает,—
Так посол улещал его

И преданьем пугал: «Вспомни, поддался Прет
Злым наветам жены блудной и чистого

Сердцем Беллерофонта
Торопливо на смерть послал.

Близок был и Пелей к мрачному Тартару:
Ипполиту отверг. Гибель настигла бы,

Но...» Всё новые были
Греховодную нить плели.

Тщетно! Глух, как скала дальней Икарии,
Гиг внимает словам. Сердцем он тверд. И ты

Эпинею, соседу,
Не дари, Астерия, глаз.

Он наездник лихой! Пусть же гарцует он!
В поле Марсовом нет равных соперников,—
Пусть пловцов пересилит,
Рассекая ладонью Тибр,—

Только к ночи запри дверь, не выглядывая
Из окна на призыв флейты и, жалобы
И упрек принимая,
К переулку жестокой будь.

• • •

Поэту Аристию Фуоку

Кто насилью чужд, простодушен, Фусций,
Не живет, как мавр, на скаку хватаясь
За копье, за лук, за колчан, где в стрелах
Яды таятся.

Жгучую ли он посетит пустыню,
Сирт или Кавказ, неприятно дикий,
Или ту страну, где Гидасп ласкает
Сказочный берег.

Помню, от меня среди лесов Сабинских
Волк бежал, когда, безоружный, в делях
Я бродил и пел о моей Лалаге —
Зверю добыча.

Не вскормили, верь, чудища такого
Ни дубовый лес Давнии недоброй,
Ни пестунья львов обожженным лоном —
Родина Юбы.

Бросят ли меня среди равнин унылых,
Где ни деревца, ни дыханья лета,
В тот забытый мир, где сокрыт в туманах
Хмурый Юпитер,

Бросят ли меня под колеса солнца
На краю земли, где жилья не строят,
Буду я любить милый смех Лалаги,
Милые речи.

* * *

Хлоя

Что бежишь от меня, Хлоя, испуганно,
Словно в горной глуши лань малолетняя!
Ищет мать она: в страхе
К шуму леса прислушалась.

Шевельнет ли весна листьями взлетными,
Промелькнет ли, шурша, прѳзелень ящерики
В ежевике душистой,—
Дрожью робкая изойдет.

Оглянись, я не тигр и не гетульский лев,
Чтобы хищной стопой жертву выслеживать.
Полно, зѳву покорствуй,
Мать на мужа сменить пора.

* * *

Ксантию Фокейцу

Ксантий, нет стыда и в любви к рабыне!
Вспомни, не раба ль Бризеида белым
Телом ураган пробудила в гордом
Сердце Ахилла?

Не был ли пленен красотой Текмессы,
Пленницы, Аянт — Теламона племя?
Не Атрида ль страсть опалила к деве,
Жадно добытой,

В час, когда в дыму заklubились башни
Трон под стопой фессалийца Пирра,
Гектор пал — и град стал добычей легкой
Грекам усталым.

Ты смущен: тебя назовет ли зятем
Важная родня золотой Филлиды?
Явно, кровь царей у красотки — только
Доля чернавки.

Верь, такую дочь от трущобной черни
Не рождала мать, как дитя позора:
И верна по гроб, и чужда корысти —
Чудо и только.

Одобряю я и лицо, и руки,
Гóлени ее, — не ревнуй, приятель,
Где уж мне! Вот-вот, как ни грустно, стукнет
Полностью сорок.

РАЗДУМЬЕ НЕОБУЛЫ

О, как грустно, Небула, избегать игры Амура,
Не осмелиться похмельем смыть тоску, а осмелеешь,
Языком отхлещет ментор.

Где же, баловень Киферы, где плетенка для кудели,
Трудолюбие Минервы? Ты унес их в сновиденья
О красавце из Липары.

Как у юноши, у Гебра, тиберийскою волною
Торс лоснящийся омоет — он затмит Беллерофонта,
И в борьбе и в беге спорый,

Он оленя на поляне вдоль стремительного стада
Легким дротиком нагонит, кабана в колючей чаще
На рогатину подденет.

ПИРУШКИ С ДРУЗЬЯМИ

* * *

Не для сражений чаши назначены,
А для веселья скромного в добрый час.
Ну что за варварский обычай
Распрей кровавой кончать пирушку.

Вино и свечи, право, не вяжутся
С мечом мидийским. Други, уймите крик!
Долой бесчинство! Крепче левой
Облокотись и пируй пристойно.

И мне налили щедро фалернского,
Не разбавляя. Пусть же признается
Мегиллы брат, с какого неба
Ранен он насмерть и чьей стрелою.

Ах, он уперся! Только за выкуп пью!
Плати признанием! Кто б ни была она,
Огонь стыда не жжет Венеры.
Ты благородной любовью грешен.

Так начистую! Смело выкладывай!
Надежны уши. Ну же! О мученик!
Увы, какой Харибде гиблой
Ты отдаешь свой чистейший пламень!

Какая ведьма иль фессалийский маг,
Какое зелье может спасти тебя?
Иль бог? От этакой Химеры
Даже Пегас не упас бы чудом.

В ПРАЗДНИК НЕПТУНАЛИЙ

Лида

Как отпраздновать веселей
День Нептуна? Открой, Лида, цекубское,
Дар заветный, о мой провóр,
Искру жизни придай чопорной мудрости.

Полдень клонится в тень, а ты
Медлишь, словно застыл в небе летучий день,
Не выносишь из погреба
Нам амфору времен консульства Бйбула.

Мы прославим Нептуна мощь,
Нереид волоса густозеленые
И на лире изогнутой
Мать Латону и бег Цинтии-лучницы.

Завершим же владычицей,
Что над Книдом царит и над Кикладами:
Мчат на Паф ее лебеди,
Но достойна и Ночь горестной нении.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МЕЦЕНАТА

Филлиде

Есть кувшин вина у меня, Филлида,
Девять лет храню альбанин душистый,
Есть и сельдерей для венков, разросся
Плющ в изобилье;

Кудри им обвей — ослепишь красою.
В доме у меня серебро смеется,
Лаврами алтарь оплетен и алчет
Крови ягненка.

Полон двор людей. Суета. Хлопочут
И снуют туда и сюда подростки,
Девушки. Огня языки завились
Клубами дыма.

В честь кого даю этот пир — не скрою:
Иды подошли. Мой апрель любимый.
Пополам они разделяют — месяц
Пеннорожденной.

Свят мне этот день и почти святее
Дня рожденья. Знай, этот день отметив,
Долгих лет число Меценат мой новым
Годом пополнит.

Не видать тебе Тэлефа. Богачка
У тебя его перебила ловко
И к ноге своей приковала цепью,
Пленнику милой.

Дерзкою мечтой одержимых учит —
Это ль не урок! — Фаэтон сожженный.
Сбросил и Пегас с облаков на землю
Беллерофонта.

Достижимого помогайся. В мире
О несбыточном и мечтать напрасно.
Ровню выбирай. Так приди, мой вечер
Неги любовной!

Жду тебя: к другой уж не вспыхну страстью.
Поздно. Не забудь разучить размеры.
Милый голос твой их споет: смирят
Песня тревогу.

ВЕРГИЛИЮ

Уже веют весной ветры фракийские,
Гонят вдаль паруса, море баюкая,
Не гремят от снегов реки набухшие,
Цепenea, не спят луга.

Вьет гнездо и зовет жалобно ласточка:
«Йтис, Йтис, вернись!» — Прокна злосчастливая.
Опозорила род мезтью кровавою
Сладострастному варвару.

На свирели в траве нежной по пастбищам
Тучных стад пастухи песнями тешатся,
Бога радуя: мил Пану аркадскому
Скот и горной дубравы мрак.

Есть, Вергилий, пора жажды томительной,
Коль по вкусу тебе вина каленские,
Знай, приятель-клиент выпрeнных нобилей,
Нардом выкупишь Вакха дар.

Банка нарда бутылъ целую выманит,—
Та бутылъ в погребах спит у Сульпиция,
От нее у надежд крылья расплещутся,
Горечь дум как рукой сметет.

Коль согласен вкусить радости пиршества,
Плату мне прихвати! И не подумая
Безвозмездно тебя, как богатей какой,
Чашей полною потчевать.

Так не медли, отбрось мысли корыстные,
Погребальный костер не за горами — ждет,
Каплю глупости, друг, в бочку премудрости
Примешать иногда не грех.

СЕЛЪ СЪЖАЯ ИДИЛЛИЯ

НА КРАЙ СВЕТА

Септимию

На край света рад со мной плыть Септимий,
До Гадары, вдаль до кантабров диких,
К варварам, туда, где в Сиртах клокочет
Вал мавританский.

Если бы Тибур, городок аргосских
Поселенцев, дал мне приют, о, если б
Дал под старость мне отдохнуть от долгих
Странствий, походов!

А откажут зло в том приюте Парки,
Удаюсь тогда к берегам Галеца,
К пастбищам овец тонкорунных, к весям
Древним Фаланта.

На земле милей уголок едва ли
Я найду,— где мед золотой Гимету
Не уступит, где урожай оливок
Спорит с Венафром,

Где весне дает долгий срок Юпитер,
А зиме тепло, где Авлон роскошно
Вакхом одарен — не ревнует даже
К гроздьям Фалерна.

В тот элизий мы на холмы блаженства
Званы. Там закрой мне глаза навеки
И немой слезой ороси горячий
Пепел поэта.

К ФАВНУ

Фавн, приятель нимф, догоняй беглянок!
Но, мои поля в час полудня знойный
Медленной стопой обходя, к приплоду
Будь благосклонным.

Вот заклали, год завершив, козленка:
Тут вино рекой, — пей, любовь-подруга
Чаши круговой, и дымись, алтарь мой,
От благовоний!

А придет твой день декабря, — для стада
Разлилось кругом травяное море,
Высыпал народ на простор, ликуют
Вол и хозяин.

Бродит шалый волк меж ягнят бесстрашных.
Славит лес тебя листопадом, пахарь
Трепака пошел — да как топнет об землю
Трижды ногою.

БАНДУЗИЙСКИЙ КЛЮЧ

Ключ, звенящий хрусталь, мой Бандузийский ключ
Я бы чистым вином, я бы венком почтил.
Жди же козлика в жертву.
Уж набухли на лбу его

Рожки, пыла любви буйные вестники.
Но не буйствовать им. В струи студеные,
Берег твой обагрят,
Брызнет кровь у питомца стад.

Не иссушит тебя жгучим лобзаньем луч
В пору Сириуса, ты — прохлада и сень
Утомленным от плуга
Буга́ям и отарам гор.

Будь прославлен, мой ключ! Будь из ключей ключом,
В честь твою восхваляю дуб над расщелиной,
Там, где ток говорливый
Струй твоих по камням бурлит.

МИРА!

Гросфу Помпею

Мира у богов при дыханье шквала
Молит мореход. Над Эгеем тучи
Месяц кроют тьмой, поглотив мерцанье
Звезд путеводных.

Мира! — Пыл бойца остудил фракиец.
Мира! — Мид устал колыхать колчаном.
Где же купишь, Гросф, этот мир за геммы,
Злато иль пурпур?

Роскошью прикрой, консуларским саном:
Крикнет ликтор: «Эй! Сторонитесь!» Тщетно:
Вьется рой забот под лепным карнизом,
Ум суетится.

Труженик простой упрощает счастье:
Отчая блеснит на столе солонка,
Легких снов его не тревожит алчность,
Страх да оглядка.

Краток жизни срок, а желаньям жадным
Нет числа. Зачем? И зачем так манит
Свет иных земель? От себя едва ли
Бегством спасемся.

Всходит и на борт корабля забота,
Конников она, как ни шпорь, догонит —
Диких серн быстрее и быстрее бури,
Спутницы Эвра.

Чем душа жива, тем живи сегодня.
Завтра счет иной. И в лазурном смехе
Горечь утопи. Не бывает счастья
Без червоточин.

Славен был Ахилл, да недолго прожил.
Долго жил Тифон — все старел и высох.
Может быть, тот час, что тебе на гибель,—
Мне во спасенье.

У тебя мычат на лугам коровы,
Кобылица ржет — к четверне по масти,
Плащ роскошен твой — из багряной шерсти,
Крашенной дважды.

Я же принял в дар от нелживой Парки
Деревеньку, дух эолийской музы,
Утонченный стиль да еще презренье
К черни зловредной.

РАЗДУМЬЯ И УТЕШЕНИЯ

ОТРЕЧЕНИЕ

Пока, безумной мудрости преданный,
Я нерадивым богопоклонником
Беспечно жил, я заблуждался.
Ныне ладью повернул и правлю

К теченьям давним. Тучегонитель-бог,
Сверканьем молний тьму рассекающий,
Вдруг прогремел на колеснице
По небу ясному четвернею:

И твердь от грома, реки-скиталицы,
И Стикс, и недра Тартаром страшного
Тенара, и предел Атланта
Потрясены. Переменчив жребий:

Возвысить властен бог из ничтожества
И гордых славой свергнуть в бесславию.
Смеясь, сорвет венец Фортуна
И, улыбаясь, им увенчает.

* * *

Лигурину

Бог мой, как ты жесток!
Но и краснв,
преlestи юной полн.
Не гордись, погоди,
первый пушок —
гость неожиданный:
И девичью красу,
кудри до плеч,
срежут безжалостно.
И поблекнет, мой друг,
бархат ланит:
с розой пунийскою
Не поспорит, как встарь,
мой Лигурин,
кожа заросшая.
Глядя в зеркало, ты
скажешь не раз:
— Это ли я, увы!
Поздний ум, почему
не был ты дан
глупому мальчику?
Почему, если жар
чувств не угас,
гаснет румянец щек?

* * *

Постуму

О Постум! Постум! Льются, скользят года!
Какой молитвой мы отдадим приход
Морщин, и старости грядущей,
И неотступной от смертных смерти?

Хотя б трехстами в день гекатомбами
Ты чтил Плутона неумолимого,
Волной печальной Леты властно
Скован навек Гиерон трехтелый

И дерзкий Титий. Друг мой, увы, и мы,
Земли питомцы, переплывем предел
Реки скорбей — богов потомки
Иль обнищале мы подонки.

Кровавой битвы зря избегаем мы
И волн громовых бурного Адрия
И зря оберегаем тело
От вредоносных ветров осенних.

Дано узреть нам мутный и медленный
Коцит, во мраке ада блуждающий,
И Данаид бесславных длани,
И нескончаемый труд Сизифа.

Дано покинуть землю, и дом, и плоть
Жены, и сколько б ты ни растил дерев,
За кратковременным владыкой
Лишь кипарис безотрадный сходит.

А мот-наследник, смело откупорив
Цекуб, хранимый в дедовском погребе,
Достойный кубка понтификов,
На пол рукою прольет небрежной.

КВИНТУ ДЕЛЛИЮ

За мудрость духа! Круто придется ли,—
Невозмутимость выкажи, счастье ли
Сверкнет,— смири восторгов бурю,
Ибо ты смертен, о друг мой Деллий:

Рабом ли скорби ты проскучаешь век,
Рабом ли неги с кубком фалернского,
В траве под небом полулежа,
Вкусишь ты, празднуя, дни блаженства.

Зачем, скажи мне, тополь серебряный,
Сплетясь ветвями с мощной сосной, зовет
Под сень прохладную, и воды
Перебегают в ручье нагорном?

Вина подать нам! Нежный бальзам сюда!
Рассыпать розы, краткие прелестью,
Пока дела, года и нити
Черные Парок не возбраняют.

А там усадьбу — домик с угожьями,
Где плещут волны желтые Тибра,— все,
Что ты скупал, копил годами,
Неотвратимый наследник примет.

Будь ты потомком древнего йнаха,
Будь богатеем, будь простолудином,
Будь нищим без гроша и кровя,
Ты обречен преисподней — Орку.

Вражайся, урна! Рано или поздно,
Но рок свершится, жребии выпадут,
И увлечет ладья Харона
Нас в безвозвратную мглу изгнанья.

К КОРАБЛЮ ВЕРГИЛИЯ

Пусть Киприда хранит тебя,
Пусть хранят Близнецы, звезды-водители,
И родитель ветров Эол,
Провожая тебя веяньем Япига.

Я доверил тебе, корабль,
И ветрилам твоим друга Вергилия,
Половину души моей,—
Принеси же его к берегу Аттики.

Трижды медная грудь была
У того удальца, у дерзновенного,
Кто впервые свой хрупкий струг
Предал ярости волн, штормы и смерч презрев —

Аквилона, и Африка,
И дождливых Гиад, нота неистовства,
Нота властного буйства вод
Возмущать и смирать в логове Адрия.

Что угрозы и смерть тому,
Кто воочию зрел чудищ невиданных
И взбешенного моря зев
Между скал роковых Акрокеравнии!

О, напрасно провидец-бог
Отделил океан и оградил им твердь,
Раз суда святотатственно
Разрезают кормой даль заповедных вод.

С дерзким вызовом, все презрев,
Род мятется людской, руша святой запрет,
Дерзкий отпрыск Япета нам
Не к добру дар огня хитростью выманил.

Только с высей эфира был
Им похищен огонь, тотчас нахлынула
Хворь ордой лихорадок; смерть
Свой ускорила шаг, прежде медлительный.

Дал созданию бескрылому
Крылья мудрый Дедал — средь пустоты парить.
Переплыл Ахерон Геракл —
Возвратился, как был, из безвозвратной мглы.

Нет для смертных преград земных!
Безрассудная ж дурь на небо просится,
Но не терпит, чтоб всех за грех
Громовержец поверг гневною молнией.

К РУХНУВШЕМУ ДЕРЕВУ

Кто в день недобрый, кто посадил тебя,
О дуб, мой недруг? Кто святотатственной
 Рукой растил тебя на гибель
 Правнукам и на позор поселку?

Он ненароком мог бы родителю
Расплющить темя, мог бы и гостя в ночь
 Зарезать и обрызгать кровью
 Опочивальню. И яд Колхиды

И злодеяний ад нипочем тому,
Кто смел воздвигнуть здесь, на земле моей,
 Тебя, злосчастный ствол, на горе
 И на погибель мою обрушив.

Не там, где ждем мы, нас стережет беда,
Коль час неровен. Грозен Босфор: пред ним
 Трепещет мореход, без страха
 Козням негаданным вверив парус.

Трепещет воин стрел и стремительно
Бегущих парфов; их же тюрьма страшит
 И Рима мощь. Но всех неожиданно
 Смерть упреждает, как упреждала.

Я Прозерпины, мрачной владычицы,
Так близко видел царство: Эака суд,
 Блаженных сонм в селеньях дальних,
 Струн трепетанье от жалоб Сяфо

На круг девичий юных эолянок,
И ты в сверканье плектра алмазного,
Алкей, там пел о лютом море,
Лютых скитаниях, лютых войнах.

Дивясь обоим, с благоговением
Внимали тени, но о боях былых
Иль песнь о гибели тиранов
Жадно впивала толпа густая.

И диво ль, если чудо стоголавое
Поникло долу лохмами черными
Ушей, и в космах, оживая,
У эвменид шевелятся змеи.

И даже Тántал и Прометей, познав
Ту сладость звуков, дремлют в забвении,
И Орион застыл — не гонит
Львов и неслышно скользящих рысей.

ПАМЯТНИК

Создал памятник я меди победнее,
Он взнесен пирамид выше и царственней.
Не обрушит его бурь необузданность,
Едкий дождь не разъест, ни водопад времен —
Бег и звенья годов неисчислимые...
Нет, не весь я умру. Высшая жизни часть
От забвенья уйдет. Буду в веках расти,
Возрождаясь, пока в высь Капитолия
Всходит жрец и за ним дева-молчальница.
Скажут: с гор, где Ауфид бешено пенится,
Где в безводном краю над деревенщиной
Давн когда-то царил, родом ничтожный смог
Первый песнь передать вольной Эолии
Итальяским стихом. С благоволением,
Мельпомена, прими гордую славу дел
И дельфийской листвою мне увенчай главу.

КОММЕНТАРИИ

Греко-египетские папирусы

Тексты стихов древнеэллинических поэтов под заголовком «Греко-египетские папирусы», извлечены из публикаций папирусов, найденных археологами конца XIX и первой половины XX века в мусорных кучах (по-арабски — «кбма») и в гробницах древнего Египта. Стихотворные тексты были нанесены на папирусы переписчиками в первые века нашей эры, в большинстве случаев во втором веке. Они восходят к каноническим изданиям александрийских ученых, подвизавшихся во времена Птолемея.

Папирусные свитки служили читателю не только при жизни: они сопровождали усопшего в могилу и предназначались его душе для чтения во время ее длительного загробного странствия. Сухой песок египетских гробниц и пустыни сохранил нам эти маленькие загробные библиотечки и скудные остатки частных и государственных книгохранилищ. Усилиями папирологов и ученых эллинистов тексты реставрированы.

Большинство папирусов со стихами Алкея и Сафо найдено на месте древнего города Оксиринха (ныне Бениса) близ оазиса Файюма. Кроме папирусов из Оксиринха со стихами эолийских поэтов-меликов, в данный сборник вошли и другие ценные находки:

стихотворение Сафо «Пещера нимф», записанное на глиняном черепке (обстракон) во II веке до н. э.,

стихотворение на папирусе из Гермополя, содержащем два значительных фрагмента беотийской поэтессы Коринны: «Состязание Геликона с Кифероном» и «Дочери Асопа», а также фрагмент античной баллады Симонида Кеосского — «Геракл и Несс» (папирус II века н. э.); папирус I века нашей эры с записью песни-стихотворения, исполняемого под аккомпанемент флейты. Автор стихотворения — Аноним.

Переводы этих стихотворений сделаны размерами подлинника — античной мелической строфой.

ЛИРИКА ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

САФО

Эллинская поэтесса на рубеже VII—VI века до н. э. Ее имя по-гречески звучало Сафо (Псапфа). Эолянка с о. Лесбос, первая в александрийском каноне девяти славнейших лириков, «десятая муза

Эллады», как прозвал ее Платон. Женщина, удостоенная героизации. Ее профиль, как и профиль Архилоха, вычеканен на монетах.

Сафо — автор гимнов, од, похоронных плачей, свадебных, эротических и застольных песен. Излюбленный размер стихотворений Сафо, ею самой созданный, именуется Сафова строфа. Ее творчество близко эолийской фольклорной лирике.

Стр. 7. Пещера нимф.— В первой строке дан намек на состязание в беге: *критяне* — прославленные бегуны.

Перевод сделан по тексту Э. Дили, 1942 г.

Стр. 8. К брату Хараксу.— *Харакс*, брат Сафо, увлечен фракийской рабыней — гетерой Дорихой. Он находится в Навкратиде — эллинской торговой колонии близ дельты Нила. Харакс купил Дориху и с ней проматывает свое богатство. Вести о похождениях Харакса доходят до Митилен, и Сафо упрекает в стихах брата за его оскорбительное для ее репутации поведение. Упреки сестры раздражают самолюбивого юношу, но скандальная история, от которой страдает Сафо, льстит его тщеславию, и на ее отповедь в стихах он отвечает дерзостью. Порок, которым шеголял Харакс: его страсть к гетере Дорихе. Возможно, что стихотворение относится к моменту временного разрыва их любовной связи.

Стр. 9. Моление к Гере.— У Сафо в Митиленах «Дом Муз», куда с Ближнего Востока, с островной и материковой Эллады съезжаются девушки, чтобы под руководством Сафо получить высшее, то есть музыкальное, воспитание: они обучаются искусству сложения песен, игре на лире-пектиде или авле-гобое, хороводным пляскам и грации. Перед нами не то школа, не то содружество (фиас). Есть и другие школы и фиасы в Митиленах. Мы слышим о соперницах Сафо, о состязаниях хоров.

Известно, что Сафо бежала вместе с другими аристократами из Митилен после избрания Питтака эсимнетом (примирителем). Стихотворение написано Сафо в изгнании, может быть в Сицилии, если следовать паросской надписи. Очевидно, ко времени написания стихотворения уже десять лет истекло, и поэтесса, по амнистии Питтака, получила право на возвращение в Митилены. В этом стихотворении она мечтает восстановить свой «Дом Муз». Упоминание о прибытии Атридов к берегам Лесбоса расходится с обычной эпической традицией: Агамемнон, повздорив с Менелаем, в Лесбос не езжал, причалил только корабль Менелая.— *Фионы сын* — Дионис.

Перевод сделан по тексту И. Эдмондса.

Стр. 10. К Анактории.— *Анактория* — ученица-подруга Сафо. Покинув Митилены, она последовала за мужем, военным, в Лидию.— *Губитель злой благоделья Трои* — Парис.

Перевод сделан по тексту И. Эдмондса.

Стр. 11. Гонгиле.— *Гонгила* — ученица «Дома Муз». Начало стихотворения не дошло. Размер, которым написано стихотворение, встречается у Сафо впервые.

Стр. 13. Твой приезд — мне отрада... — Стихотворный текст восстановлен по письму Юлиана Отступника к философу неоплатонику Ямблиху.

АЛКЕЙ

Всеэллинский поэт на рубеже VII—VI века до н. э., родом с о. Лесбос. Две темы характеризуют поэзию Алкея: политическая распря и пирушка. Так возникает образ: Алкей — заговорщик-боец и Алкей пирующий. Он также и гимнотворец. Его произведения были изданы в десяти книгах александрийскими учеными Аристофаном Византийским и Аристархом. Благодаря новым находкам папирусов прежде скудное наследие поэта обогатилось новыми гимнами и стихами, главным образом из цикла «Стасиотика» — «Песни восстания». Эти находки со стихами Алкея и схолии-комментарии к ним позволяют нам составить более полное жизнеописание поэта. Алкей родился в Митиленах в аристократической семье около 620 г. до н. э. В годы малолетства поэта его братьями Антименидом и Киком (имя второго брата взято под сомнение) совместно с Питтаком был свергнут тиран Митилен — Меланхр, «позор города», по словам поэта. Меланхр сменяет другой тиран — Мирсил, сын Клеанакса. Последнее удостоверяется схолиями на папирусе. В 600 г. Алкей участвует в войне с афинянами за Сигею (Ахиллиду) под предводительством Питтака. В бою поэт теряет щит, о чем он сообщает в стихотворном послании своему другу Меланиппу. Щит Алкея был якобы повешен афинянами в Парфеноне. Между победителем афинян Питтаком и поэтом завязываются, очевидно, дружеские отношения. Наступают годы совместной борьбы Алкея, его братьев и Питтака с тираном Мирсилом. Среди сторонников Питтака — его друг Диномен, среди сторонников Алкея — его друг Финей. Их поддерживает могучий аристократический род пентилидов, породнившийся с Питтаком. Борьба протекает на суше и на море. Алкей, как это видно из фрагментов стихов поэта и од Горация, причаливает порой к берегу, чтобы пировать с друзьями. Междоусобная борьба родовой аристократии сплетается с борьбой демоса против господства землевладельческой аристократии. Ко времени этой борьбы относится бегство аристократов-заговорщиков в лесбосский городок Пирру. В числе беглецов названы имена: Финей, Антименид и Сафо. Заговорщики бежали после раскрытия заговора, опасаясь кары Мирсила. Около 596 г. Мирсил гибнет, и Алкей ликует по случаю гибели тирана.

Клеанактиды — род, к которому принадлежал Мирсил, толпами изгоняются из Митилен. Об этом мы узнаем из недавно опубликованного фрагмента стихотворения Сафо. Мы знаем теперь и о втором бегстве Алкея и его сторонников в город Пентиле. Неожиданно для Алкея Питтак меняет ориентацию. Горожане при содействии пентилидов избирают его на десять лет эсниметом для прекращения распри среди политических партий. Между бывшими союзниками, Алкеем и Питтаком, происходит разрыв. Алкей рассматривает избрание

Питтака как акт предательства со стороны Питтака, нарушившего клятву, данную им своим друзьям и союзникам (см. «Против Питтака» и «Алкей в святилище Геры»). Алкей негодует против монархической власти эсимнета: это та же тирания. Он примыкает к мятежникам, терпит поражение и принужден искать убежища на священной территории храма Геры, где-то на окраине Лесбоса, у моря. Повидимому, отсюда он искал пути примирения с Питтаком (см. «Послание Питтаку»). В стихотворении-исповеди, написанном в святилище Геры, он говорит, что живет отшельником, слушает лишь священные завывания женщин, доносящиеся из храма в дни женских празднеств, и любит зрелищем состязания знатных лесбиянок в красоте. Питтак, опасаясь нового взрыва гражданской борьбы, которую могли поднять династы-аристократы, и зная неистовый нрав Алкея, осуждает мятежных аристократов противной партии на изгнание. Среди изгнанников — Алкей, его братья и сторонники. Старший брат, Антименид, отправляется в Вавилон. Алкей попадает сперва в Египет, затем во Фракию. К этим годам распри и изгнания поэта относится серия стихотворений против Питтака. Едко издевается он над физическими недостатками Питтака, упрекает его за разгул и пьянство, за женитьбу на якобы распутной сестре афинского архонта Дракона из рода пентилидов — Диагоре, или Анагоре, жительнице Митилен, а также за тщеславие, стяжательство, угнетение и разорение народа. Он честит Питтака брюханом, надутым пачкуном, колючкоедом, волочи-ногой.

По истечении десяти лет, водворив спокойствие в государстве, Питтак амнистирует изгнанников. Он слагает с себя звание эсимнета. Алкей возвращается на родину. Известно, что он дожил до глубокой старости.

Стр. 16. К Д и о с к у р а м.— *Диоскуры* — братья-близнецы, Полидевк и Кастор, сыновья Леды. Считались путеводителями моряков и спасателями на водах (*греч. миф.*).

Стр. 17. Г и м н М и т и л е н а м.— О какой угрозе городу Митилены, родине Алкея, идет речь, точно неизвестно.

Стр. 19. В и н а Е л е н ы.— Начало стихотворения не сохранилось. Елене противопоставлена Фетида, мать Ахилла. Быть может, образом Елены, виновницы гибели Илиона, Алкей намекает на жену Питтака, якобы губящую Митилены.— *Эакид* — Пелей, сын Эака, отец Ахилла.— *Кентавр* — мудрый Хирон, воспитатель Пелея и Ахилла. В его пещере боги праздновали свадьбу Пелея и Фетиды.— *Народ фригийский* — трояне.

Стр. 20. С к о л и й.— Застольная круговая песня из раздела стихов «Стасиотика» — «Песни восстания». Они были включены в третью и четвертую книгу канонического издания сочинений Алкея. Папирусы из Оксиринха чрезвычайно обогатили этот прежде так скудно представленный раздел. Стихотворения «Песни восстания» можно разбить на две группы: первая группа — борьба Алкея и его братьев в союзе с Питтаком против тирана Мирсила; вторая группа — разрыв с Пит-

таким и изгнание. К этой группе принадлежат инвективы против Питтака.

Стихотворением «Сколий» начинается цикл стихотворений, связанных с аллегорическим образом бури. Ключ к пониманию образа бури, как гражданских междоусобий, был уже в древности дан Гераклитом в сочинении «Аллегории у Гомера». В этом сколии речь идет не только о корабле в море, но и о междоусобице в Митиленах.

Стр. 21. Буря не унимается.— Есть предположение, что этот фрагмент служит продолжением известного стихотворения: «Пойми, кто хочет, буйную дурь ветров...», где речь идет о перевороте, совершенном Мирсилом. Назревает восстание.

Упелевшие во фрагменте (Д. 45. А.) слова «*κολισισι δ'αρχηξοι*» восполнены переводчиком до двустрочия. Согласно схолиям-комментариям на папирусе, содержание последнего фрагмента связано с удалением друзей Алкея в уже упомянутый нами городок Пентиле, лежащий между городами Пиррой и Митиленами. Тут же на папирусе стоит имя «Мирсил». Конец фрагмента истлел.

Стр. 24. Против Питтака.— Этим стихотворением открывается вторая группа «Песен восстания»: инвективы против Питтака. В стихотворении «Не помню, право...» поэт говорит о низвержении старшими братьями Алкея совместно с Питтаком тирана Меланхра. Об этом сообщает в жизнеописании Питтака Диоген Лаэртский. — *От отца...*— имя отца Алкея — Агесилай — приведено в стихотворении «Алкей в святилище Геры». — *...возвеличен... Пентилидом...*— намек на женитьбу Питтака на дочери аристократа Пентила. — *Пентилид* — его сын, афинский архонт Дракон. Пентилиды вели свою генеалогию от Ореста, сына Атрида (Агамемнона): по преданию, основателем Lesbосского государства был Пентил I, сын Ореста. Женитьба на кровной атрилянке, как это видно из второй инвективы «Нам сказать бы ему...» — укрепила положение и возвысила Питтака, отец которого был иноземец, фракиец Гирр. Предположение, что в этом стихотворении звучат нотки примирения Алкея с Питтаком и призывы к прекращению распри, лишено основания. Перед нами скорее открытый вызов и жажда победы. Раздраженный изгнанием поэт напоминает об этом своему бывшему союзнику в последней строфе третьей инвективы: «За кружкой кружку...»

Стр. 25. Не всегда продувной...— Край колонки с началом первой строки на папирусе истлел. В текст оригинала имя «Питтак» вставлено по комментарию ученых. Стихотворение «Алкей в святилище Геры» подтверждает клятву в верности, данную Питтаком роду Алкея и его братьев: «Нам, главарям, клялся...» В тексте оригинала стоит своеобразно применяемое и выдуманное Алкеем слово «какопатрид» (*κακοπατριδα*) — «злорадетель родины». Оно трижды встречается у Алкея. В слове «какопатрилы» скрыт, очевидно, намек на «како-атриды» — то есть «дурные Атриды». Алкей подразумевает под ним аристократические роды, которые поддерживали тиранию в Митиленах, в особенности пентилидов, сторонников единовластия Питтака.

Заодно с пентилидами и тираном Меланхром в злорадетели попадает и сам Питтак.

Между свержением Меланхра и гибелью Мирсила, после которой последовал приход к власти Питтака, прошло, таким образом, шестнадцать лет смуты. К этим годам относится, повидимому, заметка Страбона по поводу книги Алкея «Стасиотика»: «Во времена Алкея и Питтака над Митиленами тиранствовали очень многие по причине распри».

— *«Нам сказать бы ему...»* — В тексте стояло, повидимому, слово «β'αεμος» — музыкальный инструмент. Фрагмент имеет в виду не только Питтака, но и Мирсила. Среди родовой аристократии Митилен — раскол: род идет на род. Одни поддерживают в борьбе против тиранов Алкея с братьями и их союзников — Питтака с пентилидами, другие поддерживают тиранов — то из рода клеанактидов, то из рода археанактидов. Имена «клеанактиды» и «археанактиды» сохранились в одном сильно испорченном фрагменте Алкея (Д. № 45. А.). Об изгнании клеанактидов, очевидно уже после смерти Мирсила, сообщает, как уже было указано, и Сафо. К борьбе с Мирсилом относятся также фрагменты Алкея (58): «Еще и ныне в миртовой роще лежит сверкающее оружие для Диномена и сына Гирра». — *Сын Гирра* — Питтак; *Диномен* — друг Питтака, возле которого, по словам Алкея, Питтак сидит за попойкой. Как было указано в биографии Алкея, после низвержения Мирсила митиленяне вручают на десять лет единодержавную власть Питтаку. С положительной оценкой правления Питтака мы встречаемся у Плутарха. Характеристика Питтака у Диодора Сицилийского — сплошной панегирик: ибо, по его словам, Питтак избавил родину от трех бедствий — тирании, смуты и войны, воспользовавшись монархической властью. Диодор Сицилийский, восхваляя Питтака за милосердие и бескорыстие, передает, будто после разрыва с Алкеем, захватив случайно в плен неистового мятежника, Питтак отпускает его со словами: «Прощение паче мести». Скорее всего это анекдот, связанный с легендарным кругом о семи мудрецах, в который попал и Питтак, так как Диоген Лаэртский сообщает, что с теми же словами он отпустил выданного ему убийцу сына. Преследуя Питтака беспощадными инвективами, Алкей выступает не только защитником одних эгоистических привилегий родовой аристократии; он искренно убежден, что монархическая власть, врученная Питтаку не без помощи той же родовой аристократии, гибельна для государства и народа. Мятежная душа поэта не примирилась с самовластием. Он сам ратует за народ, за гражданство, в античном понимании этого слова, и непосредственно апеллирует к нему, а не только к узкому кругу своих сторонников. Он скорбит по поводу междоусобий, раздирающих Митилены, и мечтает положить им конец возвращением к былому миропорядку, когда полисом управляло народное собрание и буле (совет). Эсимнетию Питтака он воспринимает как измену делу повстанцев. Однако он вынужден покинуть родную землю, и оказался таким же беглецом-изгнанником, как и те изгнанные представители родо-

вой аристократии Митилен, которые защищали только свои родовые права.

Стр. 26. Алкей в святилище Геры. — Алкей, как уже говорилось, скрывается где-то на окраине о. Лесбос в святилище Геры. Стихи исполнены горечи и раздражения. Чувствуется какая-то раздвоенность. Поэт готов отказаться от борьбы с Питтаком и тут же горюет, сознавая свою отрешенность от событий и дел и ошибочность своего поведения.

Стихотворение первое устанавливает наличие культа Диониса Кемалия на исходе VII века до н. э. на Лесбосе. Что означает слово «кемалис» (*κεμαλιος*), в точности неизвестно: предположительно — безрогий теленок, детеныш лани, то есть либо Дионис-комоль, либо Дионис-младенец. Стихотворение второе подтверждает наличие на Лесбосе знаменитых «Каллистей» — состязаний женщин в красоте. Начало второго фрагмента не дошло. Первая строфа «Пусть на землю падет...» истолкована как оракул Геры. Слово «Ономаклес» раскрыть не удалось. 4-я строка 4-й строфы и начальные строки последней строфы переданы согласно истолкованию С. Я. Лурье.

Ниже приводится перевод этой же строки по тексту И. Эдмондса:

*«..Глупо
ополчаться на тех, кто сильней тебя».*

Стр. 28. Послание Питтаку. — Очевидно, поэт сделал в свое время попытку к примирению с Питтаком и обратился к нему с ходатайством о возвращении из изгнания, имея в виду не только себя, но и своих друзей и приверженцев. Питтак, опасаясь нового взрыва гражданской войны, отказывается в амнистии, находя ее преждевременной. Отсюда это новое, исполненное нападок стихотворение-послание.

Стр. 29. К городу Митиленам. — Адресат оды — Митилены. На это указывают слова «тебя не съел он». Повидимому, эта инвектива на Питтака связана с последними годами его эсимиетии.

Стр. 30. О лидийцах и Питтаке. — Указание схолий-комментариев на папирусе, будто речь идет о попытке лидийского царя Креза подкупить повстанцев с целью наложить руку на Митилены, находившиеся в сфере влияния лидийцев, вызывает сомнение по соображениям хронологического характера. Несомненно, попытка подкупа со стороны лидийцев связана с событиями периода смуты в Митиленам. — *Хитрая лиса* — Питтак.

Стр. 31. Другу Меланиппу. — Из книги «Эротикон». Написано в изгнании. Образец древнейшей элегии в современном понимании слова «элегия». В стихотворении имеется намек-реминисценция на миф о хитром царе Сизифе, который, обманув бога смерти Аида, прожил две жизни вместо одной, но в итоге все же был побежден Смертью. Источником служит Ферекид. Миф наличествует также в элегиях Феогнида. Существуют две версии мифа. Первая версия: Сизиф сковывает пришедшую за ним Смерть. Все живое в природе

перестает умирать. Неумирание превращается в бедствие. Зевс посылает Арей, то есть войну, освободить Смерть из заточения. Арей освобождает Смерть — Таната и передает ей Сизифа. Вторая версия: Сизиф, умирая, завещает своей жене Метропе не приносить Аиду обычных даров, не погребать его труп. Аид посылает тень хитреца из подземного мира обратно на землю к жене за дарами. Тень Сизифа входит снова в свое тело, и царь начинает жить вторично. Умирает он от старческой слабости. За обман Сизиф, перехитривший законы Ананки — Необходимости, осужден на вечный бесцельный труд — вкатывание камня на гору.

В добавление к стихотворным фрагментам Алкея приводим в прозаическом переводе текст фрагмента на папирусе по И. Эдмондсу:

«Сделай, отец, ему сердце далекомечущим и лукавым, и если бесстыдный дерзнет идти против него (устроит ему козни), то пусть он в свою пользу обратит пагубную ненависть».

Очевидно, Алкей, обращаясь к отцу, имеет в виду своего брата Антименида. Лицо, именуемое «бесстыдный» — кто-нибудь из главных врагов: Питтак или Мирсил. В другом фрагменте Алкей обвиняет Питтака в похотливости. В третьем фрагменте, направленном против сына Археанакса, Алкей говорит, что Аполлон явился ему во сне с веткой тамариска.

КОР П П Л А

Беотийская поэтесса из Танагры (VI в. до н. э.), включенная в канон девяти поэтесс, представительница хоровой мелики. В своих произведениях использовала местные предания. Вместе с поэтессой Миртидой оспаривала у Пиндара первенство на музыкальных состязаниях в Фивах и пять раз одержала победу над ним. По сведениям древних, была удостоена при жизни статуи в Танагре за беотийский диалект ее од и личную красоту.

Стр. 32. Состязание Геликона с Кифероном.— Фрагмент из хорового мелоса. Горы Геликон и Киферон получили свое наименование от двух враждующих друг с другом братьев, вступивших в единоборство. У Коринны они — два великана. Между великанами происходит музыкальное состязание — агон. Руководят состязанием музы. Судьи — боги. Голосование происходит посредством камешков. Киферон поет сказание о младенчестве Зевса. Боги присуждают ему победу. На нем овчина — одежда простолюдина (пастуха). Геликон в ярости вырывает из горных недр скалу (скала, очевидно, и есть гора Геликон) и обрушивает ее на головы толпы, обступившей место состязания.

Стр. 34. Дочери Асопа.— Бог реки Асоп вопрошает оракула Аполлона Птойонского (Птойн — гора) о местопребывании своих девяти дочерей. Прорицатель Акрефей, сын Ориона, открывает Асопу, что его дочери похищены богами. Из хоровой песни Коринны на папирусе удобочитаемы только разрозненные строки вступления, воссоединенные в настоящем переводе в одно целое, и речь Акрефея.

Упоминаемый им прорицатель «Эвоним» — беотийский heros (герой). — *Ирией* — эпоним (основатель) Танагры, отец Ориона. Он изгнал Эвонима и стал вместо него прорицателем Аполлона.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

Мелический поэт VI—V века до н. э., родился на о. Кеос; его дед и отец — поэты. Создатель множества хоровых мелических поэм, элегий и эпиграмм, от которых почти ничего не уцелело. Первый автор славословий победителям на состязаниях — эпиникиев. Певец побед над персами. Ему приписано сочинение большинства эпитафий на павших воинов, героев греко-персидских и междуэллинских войн. Умер в Сицилии. Среди папирусных находок последнего времени имеется отрывок из его поэмы «Геракл и Несс».

Стр. 36. Геракл и Несс. — Сохранившийся фрагмент может быть назван античной балладой. Начало поэмы истлело. Повидимому, там излагался рассказ об убийстве Гераклом в запальчивости своего друга. В искупление преступления Геракл сам обрекает себя на изгнание. С юной женой, почти полуробенком, и младенцем на руках герой подходит к бурной реке Эвен. Далее следует известный из мифа эпизод с Деянирой и кентавром Нессом, который послужил прелюдией Софоклу для трагедии «Трахинянки». Убийство Несса предопределило гибель Геракла от отравленной крови кентавра. Так завязался роковой узел его трагической участи.

ПРАТИН

Создатель сатировой драмы V века до н. э., которая имела успех в Афинах. Его произведения не сохранились. Уцелела «Гипорхема». Текст «Гипорхемы» не относится к папирусным текстам.

Стр. 38. Гипорхема — гимническая песня-пляска сатиров, сохранена грамматиком энциклопедистом Афинеем (II в.) в его книге «Трапеза знатоков». Это единственный образец дошедшей до нас гипорхемы. В ней Пратин высмеивает фонические трюки и языковые выверты поэтов виртуозов. Как будто серьезное начало стихотворения песни переходит вскоре в издевку, заканчивающуюся прославлением Вакха. Причем и здесь поэт смешит публику виртуозным приемом звукового повтора в возгласе дифирамбического ликования: *Tríámbo — dithyámbe*, который сохранен в переводе.

АНОНИМ

Стр. 40. Авлодическая песня. — Исполнялась под аккомпанемент авла-гобая. Написана малоизвестным стихом, близким к гекзаметру. Папирус.

ПОСИДИПП

Александрийский поэт-эпиграмматик III века до н. э. из кружка поэта Филета, прозванный Эпиграммотограф в отличие от философа Посидиппа. Автор литературных надгробий. Одно из них — «Надгробие Дорихе», возлюбленной Харакса, брата Сафо, — указывает, какую славу приобрели стихи Сафо, связанные с гетерой Дорихой. Эпиграмма извлечена из Палатинской антологии.

ТЕРПАНДР ЛЕСБОССКИЙ

Лесбосский поэт VII века до н. э., реформатор музыки, родоначальник эолийской мелики. Ему приписывают создание семиструнной кифары и разработку торжественной лирико-музыкальной композиции, так называемого проэмия (киферодический ном).

АНАКРЕОН

Поэт мелик VI века до н. э., третий по счету в александрийском каноне девяти славнейших лириков Эллады. Иониец, родом из г. Теос.

Стр. 44. Фрагменты.— *Посейдоний* — месяц дождей и гроз.

Стр. 45. *Амалфея* — чудовищная коза, подобие Химеры, кормилица Зевса. Один из ее рогов, согласно версии мифа, стал волшебным «рогом изобилия». — *Тартесса* — окруженный легендами город близ устья Гвадалквивира. Славился баснословными богатствами.

СТЕСИХОР

Автор хоровых, лирико-эпических поэм VII—VI века до н. э. От его тридцати четырех книг уцелело только несколько мелких фрагментов, в том числе «Палинодия».

Стр. 48. Палинодия.— Покаянная песнь. Под давлением Дельф, охранявших престиж Спарты, Стесихор сочинил песнь, реабилитирующую честь Елены; в ней показано, что Елена никогда не бывала в Трое и с Парисом бежала не она, а ее призрачный двойник.

ТИМОКРЕОН

Тимокреон (V в. до н. э.).— Кроме нескольких фрагментов, от него дошла гастрономическая поэма «Обед» («Дейпнон»).

Стр. 49. Плутос у.— *Плутос* — бог богатства.

ЭПИХАРМ

Философ и создатель сицилийской комедии (конец VI—V века до н. э.). Подвизался в Сицилии при тиранах. Сохранились фрагменты и заглавия его пьес.

НАРОДНАЯ ЛИРНЕА

Carmina popularia

Стр. 51. Эйресиона.— Приблизительно в октябре — ноябре и в мае — июне афиняне праздновали в честь Солнца и Ор Пианепсии и Таргелни. По обычаю, дети разносили ветви, сплетенные шерстью и называемые Эйресиона. Их вешали перед дверями дома.

Стр. 52. Дионису.— Призывный гимн, исполняемый эолийскими женщинами. Приведен Плутархом.

Стр. 53. Антема.— Антема — игра в цветы. Песня приведена Афинеем в сочинении «Трапеза знатоков».

Стр. 54. Хелихелона.— Шуточная песенка. Слово *хели* означает — черепаха. Одна из девушек сидит; она именуется черепахой, другие кружатся вокруг нее и задают ей вопросы, на которые та отвечает. Песня была записана грамматиком Поллуксом.

Приводим еще два фрагмента из ритуальных песенок:

1

СВАДЕБНАЯ

*Эй, кори, кори, каркунья,
Молодую, молодого.*

Дети дразнят новобрачных.

2

АПОТРЕПТИКОН-ОБЕРЕГ

*Злоба-желчь, от порога прочь,
Ищет жаворонок помочь.*

СЕМОНИДАМОРГОССКИЙ

Поэт ямбограф-сатирик (VII в. до н. э.). Его гномическая поэма «Женщины», написанная ямбическим триметром (шестистопником), пользовалась в течение целого тысячелетия чрезвычайной популярностью благодаря своей характерной теме «женщина — зло», столь излюбленной в древневосточной литературе и запечатленной в библии. Порицание женщин у Семонида проистекает не только из личных переживаний, но и из народных насмешек, притч и поучений, из комоса народных празднеств Диониса. Сами «ямбы» — не литературное, а народное выражение. Такое порицание женщин в поэме Семонида не нашло бы публичного сочувствия, если б оно не жило до него в сознании народа. Роль женщины, виновницы всех человеческих бедствий, библейской Евы, вкусившей плод познания добра и зла, играла в эллинском мифологическом предании Пандора, созданная богами на погибель людей. Тема «женщина как зло» соединяется с темой «познание как зло»: любознательность и любопытство ли-

шают человека первоначального блаженства. С темой «познание как зло» сочетается эротический соблазн — женская прелесть. Так же и у Семонида в конце сохранившегося отрывка поэмы слова «в борьбе за женщину» содержат намеки на Елену, виновницу троянской войны, погубившую младшее поколение героев-полубогов.

ЛИРИКА РИМА

КАТУЛЛ

Катулл Гай Валерий (80—54 гг. до н. э.) — родом из Вероны. Самый непосредственный римский лирик и сатирик, блестящий мастер стиха, соединяющий меткость народного языка с грацией александрийцев и музыкальностью эллинской мелики. В Риме появляется в 62 г. Вокруг него группируется кружок поэтов новаторов, так называемых «неотериков», которые вступают в борьбу с напыщенной поэзией старой школы. В доме Манлия, которого в стихах он именует Аллий, Катулл встречается с красавицей Клодией, сестрой трибуна Клодия Пульхра, пользовавшегося в Риме скандальной славой. Между юным поэтом и Клодией завязывается пылкий роман, положивший начало циклу стихов «К Лесбии». Восторженная влюбленность поэта сменяется подозрениями, а затем убеждением в неверности возлюбленной уже в 59 г. В том же году жизнь наносит ему второй удар: в Троаде умирает его любимый брат. Катулл бежит из Рима в Верону. По возвращении в Рим в 57 г. он находит Клодию открытой любовницей оратора Марка Целия Руфа. На Руфа обрушиваются инвективы в стихах. Наступает вторичное сближение и вновь разрыв. Вскоре следует отъезд Катулла в Вифинию с пропретором Мемием. Оттуда, после посещения могилы брата, поэт возвращается на родину — в Сирмио у озера Гарди и удивляет Рим литературной новинкой — поэзией о Востоке.

В 55 г. последовало окончательное прощание с обесславленной красавицей, которая делает попытку вернуть своего бывшего возлюбленного. На этот раз Катулл остается тверд.

Увековечив в стихах свою юношескую любовь к Клодии — Лесбии, Катулл увековечил и ее позор. Насколько трудно было Катуллу вырвать из сердца любовь к Клодии, показывает его элегия «Кто, вспоминая порой...» — воспоминание, полное горечи и подавленной страсти.

Последние годы поэт проводит вблизи Комо, предаваясь занятиям литературой и удовольствиям провинциальной жизни. Его ближайшие друзья — поэты Цинна, Цецилий, оратор К. Ортал Гортензий, историк Корнелий Непот, Квинт Корнифиций, историк Азиний Поллион и другие. В своих сатирических стихах он с архилоховской беспощадностью обрушивается на литературных и политических противников-цезарианцев, а также на соперников в любви. Его сто шестнадцать стихотворений распадаются на мелические стихи, элегии, эпиллии, эпиграммы.

Одним из его любимых размеров был одиннадцатисложник — так называемые «фалекии».

Стр. 63. В е р а н и ю.— Сверстник и друг Катулла, Вераний, которого он ставит обычно рядом с Фабуллом, вернулся из Испании, куда ездил в свите претора Пизона. Он привез в дар Катулле полотна из Сетаба (в Валенсии), о которых упоминается в шуточном стихотворении «Азинию Марруцину».

Стр. 64. П о э т у Л и ц и н и ю К а л ь в у.— Изящный памфлет на поэтов школы, враждебной Катуллову кружку,— Цезия, Аквина, Суффена.

В день праздника сатурналий обменивались подарками. Катулл отвечает на шутку Кальва, который забавы ради посылал Катулле сборник напыщенных стихов этих римских стихотворцев. Сам Кальв — не только поэт, он — оратор-аттицист, адвокат, политический деятель — антицезарианец, сторонник республиканской партии.

Стр. 65. П о э т у Ц е ц и л и ю.— *Цецилий* — земляк поэта, участник его литературного кружка. Сочинения Цецилия не сохранились. Катулл расхваливает лукаво его поэму «Диндимена» (именование Кибелы), только начатую Цецилием. Соль дружеской шутки, надо полагать, в том, что Цецилий начинает писать большие полотна, но их обычно не заканчивает. Катулл намекает на это, дважды в коротком стихотворении повторяя слово «inchoata» — «зарожденная».

Стр. 66. К о р н и ф и ц и ю.— *Симонид Кеосский* — автор поминальных плачей и эпитафий.— *Квинт Корнифиций* — оратор, поэт и литератор, автор эротических и мифологических стихотворений, противник Октавиана. Погиб в гражданской войне 41 г.

Стр. 67. В е с н а.— Прощальная элегия. Уезжая из Вифинии, поэт решил посетить по пути старинные города малоазийского побережья. Побывав на могиле брата в Троаде, поэт возвращается к себе на родину, к озеру Гарди.

Стр. 68. А з и н и ю М а р р у ц и н у.— Это шутивное стихотворение адресовано брату историка Азиния Поллиона.

Стр. 69. Ф у р и ю и А в р е л и ю.— Как уже было отмечено в литературе, Катуллом в этом стихотворении поставлена тема «поэзия и правда»: поэзия может быть игривой, жизнь поэта серьезна. Такое противопоставление стало ходячим в римской поэзии.

Стр. 70. К о р н е л и ю Н е п о т у.— В переводе предпоследних строк взят за основу текст Шмидта. Слово «vigo» в рукописях отсутствует, там стоит бессмысленное «ergo». Катулл высказывает желание, чтобы Непот, которому он посвящает первую книжку, стал ее патроном-покровителем.

Стр. 71. Л е с б и я.— Первые три строфы — перевод Сафовой строфой общезвестного стихотворения Сафо. Последняя строфа присочинена Катуллом. Существует предположение, что эта строфа приналежит другому стихотворению и случайно переписчиками присоединена к переводу. Имя «Лесбия» вставлено в текст самим Катуллом.

Стр. 72. Разрыв.— Фурий и Аврелий принадлежали к кругу обожателей Клодии — Лесбии. Они сблизилась с Клодией, повидимому, после Катулла, на что намекают слова, имеющие двойной смысл: «по пятам Катулла». Он их делает посредниками, передавая через них Лесбии свой отказ от сближения, на которое она надеялась, чтобы подчеркнуть свое презрение к ней. В географическом обзоре роста римского военного государства, в описании похода Красса на парфов, вступления Цезаря в Британию, возведения Габинием на египетский престол Птоломея Августа — вряд ли следует усматривать лесть Цезарю. Такие каталоги географических имен были присущи римской поэзии и нравились древним читателям. Александрийская ученость возвела их в свой эстетический канон, который поэтизировали от них авторы напыщенных римских од.

Стр. 73. Альфену.— Тема стихотворения — измена другу. Написано большими асклеиадами, введенными в поэзию Алкеем.

Стр. 75. Молодчику Фаллу.— Пятая строка подлинника испорчена и переведена гадательно.— *Тинская вышивка* означает вифинская — от Тинии у Босфора, которая в III веке слилась с Вифинией. Она славилась изготовлением разрисованной материи.

Стр. 78. На смерть Квинтилии.— *Квинтилия* — рано умершая жена поэта Лициния Кальва. Интересна идея стихотворения, чуждая язычеству: душе усопшего служит утешением земная печаль его близких.

Стр. 80. На смерть брата.— Смерти брата посвящены Катуллом три стихотворения. Он создает лирическую форму поминального плача-треноса.

Стр. 81. Гортензию Орталу.— *Ортал Гортензий* — оратор и поэт, друг Катулла. Поэт адресует ему элегию, связанную со смертью брата, присоединив к ней свой перевод поэмы Каллимаха «Волосы Вероники». Он именуется Каллимаха Баттиадом: отца Каллимаха звали Батт.

Стр. 82. Письмо Манлию.— *Манлий Торкват* — приятель и земляк поэта, ко дню свадьбы которого Катулл сочинил довольно длинную эпиграму.

Стр. 85. Два послания Геллию.— *Геллий* — бывший приятель Катулла, повидимому член его кружка, стал мишенью непристойных инвектив поэта возможно за то, что Геллий пользовался благосклонностью Лесбии.

Т И Б У Л Л

Т и б у л л Альбий (55—19 гг. до н. э.)—римский элегик, пленявший читателей своей темой сельской тишины. Первая и вторая книги его элегий связаны с Делией.— *Делия* — литературное имя возлюбленной поэта, которой посвящена и элегия «Лей — не жалея...» Три элегии Тибулла переведены К. Батюшковым.

ПРОПЕРЦИЙ

Даты жизни Секста Проперция не вполне точны: 54—16 гг. или 49—15 гг. до н. э. Римский элегик, родом из города Ассизи в южной Италии. Под литературным именем «Цинтия» поэт посвятил ей большую часть своих любовных элегий. Образование получил в Риме. Почти все его поместья достались ветеранам Октавиана. В противоположность Горацию и Тибуллу, которые уехали от сумятицы и шума столичной жизни в сельскую тишину, Проперций почти не расстается с Римом. Ласкаемый Меценатом, любителем выскрывать таланты, чтобы создать ореол вокруг Августа, Проперций долго воздерживался от лицемерной лести и прославления его абсолютизма. Он даже ликует при неутверждении сенатом эдикта Августа об обязательном браке холостяков. Поклонник Каллимаха и Филета, эпигон александрийцев, откровенный гедоник, посвятивший тысячи строк своему пятилетнему роману с Цинтией, чтобы позабавить читателя всеми перипетиями капризов любви, Проперций становится вдруг серьезным: он поворачивается к легендарному прошлому Рима и направляет свою поэзию в русло, указанное ей Августом. Но одновременно с этим он посвящает памяти своей возлюбленной элегию «Видение Цинтии», одно из лучших своих стихотворений.

Стр. 89. Отмена Эдикта.— Элегия написана по случаю неутверждения сенатом эдикта о браке холостяков.

Стр. 90. Видение Цинтии.— Цинтия, по элегии, была якобы отравлена Номой, новой возлюбленной Проперция.— *Мнимый коровы чурбан* — деревянное изображение коровы, сделанное Дедалом для Пасифаи, жены царя Миноса.— *Андромеда* была отдана на съедение морскому чудовищу и спасена Персеом.— *Гипермистра* — одна из пятидесяти Данаид, которая в роковую для новобрачных ночь пощадила своего мужа Линкея.— *Анио* — приток Тибра.

Стр. 93. Бычки Геркулеса.— *Как* — исполин-разбойник, укравший у Геркулеса стадо быков Гиерона и за это им убитый.— *Омфала* — лидийская царица, находясь в рабстве у которой, в наказание за убийство друга, Геркулес выполнял женскую работу.

ОВИДИЙ

Публий Овидий Назон (43—18 гг. до н. э.).— В сборник включены элегии из книги «Amores» — любовные стихотворения, — «Tristia» и «Ex Ponto» — послания с места ссылки. Овидий в своих любовных элегиях шел по проторенной дорожке, проложенной александрийскими поэтами. Героиды Овидия — уже иной тип элегии, лирико-эпический, в форме риторического монолога. Полной новинкой оказались его «Тристии» и «Послания с Понта». Овидий в «Тристиях» заговорил не холодным голосом александрийского выученика, а голосом, исполненным тоски и отчаянья, передающим то, что видят глаза ссыль-

ного в глухой стороне, на чужбине, где «перемолвиться не с кем поэту»:

*Вот я — изгнанник, взгляни, насыть свою душу. Двойную
Кару несущ: тяжка ссылному глушь и судьба.*

Это те самые «Тристии», которые услышал Пушкин и на скорбный голос которых через тысячелетия не только ответил рассказом об участи римского изгнанника:

*Меж нами есть одно преданье —
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье,—*

но и обратился к нему с посланием:

Овидий, я живу близ тихих берегов.

Пушкин выразил в нем с такой мощью всю душу этих древних элегий ссыльного поэта, что кажется, будто он в одном стихотворении дал все существо «Тристий», сам переживая в черноморской ссылке то, что некогда переживал Овидий.

Прямой повод, вызвавший неожиданную ссылку Овидия, не выяснен. Сам Овидий упорно о нем умалчивал, опасаясь, очевидно, своею откровенностью задеть самолюбие Августа или достоинство дома Юлиев. В «Тристиях» и «Посланиях с Понта» он неоднократно вплотную подходит к самому поводу, но не открывает его. То обстоятельство, что ни мольбы поэта, ни ходатайства его жены и друзей, среди которых было немало приближенных принцепса, не привели к облегчению участи Овидия, говорят о каком-то скрытом факте, тесно связанном с самим Августом, помимо опубликования эротических сочинений поэта. Небезинтересно отметить, что не помиловал поэта после смерти Августа и его преемник Тиберий.

Элегии «Тристий» попали в Рим еще при жизни поэта.

Стр. 101. В зимний шторм.— *Боот, Эрминафской медведицы сторож* — созвездие Волопаса близ Большой Медведицы.

Стр. 103. Последняя ночь в Риме.— *Тезей* — верный друг Пейрифоя, по просьбе последнего спустился с ним в преисподнюю, чтобы похитить жену бога Аида Персефону. Оба друга остались прикованными к тому месту, на которое присели.

Стр. 106. Зима в Томах.— *Томы* — место ссылки Овидия.— *Яблоко здесь не растет.* — Яблоко связано с новеллой об Аконтии и Кидиппе. Герой Аконтий, чтобы догнать быстроногую Кидиппу, бросал ей под ноги яблоки.

Стр. 109. Весна.— *Птица встречает весну... гнездышко птенчикам вьет...* — Указанные строки говорят о знакомстве Овидия с найденным в песках Египта стихотворением Алкея, записанном на папирусе и озаглавленном нами также «Весна». Тема стихотворения у лесбосского и у римского поэта одна: весна (на Лесбосе и в Риме).

Такое совпадение темы весны вряд ли случайно, особенно если принять во внимание обыкновение римских поэтов заимствовать многое из эллинской лирики. Очевидно, Алкей восхитил своей поэзией не только своего выученика Горация, но и Овидия.— *Геты* — фракийское племя, обитавшее в I в. близ Дуная в местах ссылки Овидия.

Стр. 111. Сожжение «Метаморфоз». — Овидий в последнюю ночь перед отъездом в ссылку сжег авторский отредактированный экземпляр «Метаморфоз». — *Ты Мелеагра сожгла, родимого сына, Алфея.* — При рождении Мелеагра его матери Алфее была передана Мойрой головешка: до тех пор, пока головешка не сгорит, Мелеагр будет жив. Алфея, узнав об убийстве Мелеагром на охоте ее брата, бросает роковую головешку в огонь, и Мелеагр умирает.

Стр. 113. Первая отповедь. — *Бузирид* — египетский царь, приносивший в жертву богам всех чужеземцев. Был убит Гераклом. — *Фаларид* — жестокий тиран Агригента, зажаривал своих врагов в медном быке.

Стр. 116. Вторая отповедь. — Взято из книги «*Ex Ponto*». *Вспомни Великого* — поэт имеет в виду Помпея. — *Антикирский*. — Антикира — приморский курорт в Фокее.

Стр. 118. Рассказ старого скифа. — *Феба* — сестра Аполлона — Артемида Таврическая. — *Берег Евксинский* — Черноморье. — *Меотида* — Приазовье.

Стр. 120. Послание Северу. — *Аристей* — сын Аполлона и Кирены, покровитель скота и плодовых деревьев. — *Триптолем* — питомец Деметры, через которого Деметра одарила людей пшеницей. — *Алкиной* — царь народа феаков в «Одиссее». — *Кораллы* — дикое племя на Дунае.

ГОРАЦИЙ

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.). — Жизнь Горация довольно точно раскрыта его биографами. Годы его детства прошли в везувийском захолустье южной Италии в небогатом поместье отца, вольноотпущенника патрицианского рода Горациев; годы отрочества и учебы — в Риме, в разгар борьбы Цезаря и Помпея. Гораций получил исключительное по тому времени для незнатного мальчика образование в школе требовательного педанта Орбилия, где он штудировал Гомера. Наступают годы юности, и поэт едет в Афины, в высшую школу, где он вращается в кругу студентов-патрициев и слушает лекции в академии Платона, главным образом по эпикурейской, стоической и так называемой академической философии (академический скепсис). Наряду с этим двадцатилетний юноша увлекается лирическими и трагедийными поэтами Эллады. Первые его поэтические опыты были на греческом языке.

Острые политические события — убийство Цезаря, бегство Брута из Рима и его приезд в Афины для вербовки молодежи в свои легионы — прерывают занятия молодого студента философией и лите-

ратурой. Гораций откликается на призыв Брута. Он командует легионом под знаменами республиканской-сенатской партии. Роковая для Брута и Кассия битва при Филиппах решает судьбу Рима и будущего поэта. Мы узнаем о бегстве Горация и его странствиях по Пелопоннесу. Амнистия, объявленная Октавианом политическим противникам, позволяет Горацию возвратиться в Рим. Здесь его ждет бедность: маленькое отцовское поместье конфисковано. Скромная чиновничья служба в казначействе оплачивается плохо. Его влечет к себе поэзия. Первые поэтические опыты на латинском языке завершились сатирами. Сатиры имели успех. Завязывается знакомство с Меценатом через общих друзей — поэтов Вергилия и Вария, а затем начало поэтической славы и дар Мецената — деревенька близ Тибура, недалеко от Рима, которая дала поэту относительную материальную обеспеченность. Годы его творческой зрелости отмечены раздвоенностью жизни: в Риме — он придворный поэт Палатина, у себя, в тибурской деревеньке — он независимый отшельник-моралист. Таким двуликим он и вошел в века. Продолжается дружеская непрерывная связь с Меценатом и двойственное, несколько загадочное отношение к Августу.

Свои знаменитые оды он создает в зрелые годы. Они были изданы в Риме при жизни поэта как стихи для чтения, интерес к которым не угасал в течение почти двух тысячелетий. Они вызвали множество подражаний и переводов на все языки мира. Мелодический стих, которым написаны оды, унаследован Горацием от лириков древней Эллады, и прежде всего от Алкея. Немало также поэтических строф напели Горацию стихи-мелосы Архилоха, Сафо, Анакреона. Гораций использует также и содержание их стихов. Гораций не просто переводит — он создает заново, свое. Он придает своим одам вид пленительных раздумий и посланий, четко и экономно вычерченных, не лишенных порой добрых советов и утешений. При этом он сумел так глубоко скрыть под медлительной улыбкой «*lento risu*» горечь, что она почти заглушена все вновь и вновь, словно рефрен, повторяющимся призывом к вину, к венкам, к музыке и песням всех этих подчас выдуманных красавиц — Лидий и Гликер. Но тут же у пиршественного стола и у ложа любви неизменно появляются лодка Харона и тени загробного мира, словно в пире во время чумы, — этот второй рефрен лирики Горация.

Стиль од обнаруживает, как трудно давалось поэту Рима, в его не склонную к лирике эпоху, высказывание своих чувств и мыслей при стремлении сохранить независимость отшельника-мудреца и свои эстетические права, то есть свой лиризм.

Однако как бы поэт-лирик ни скрывал свои чувства и горести, свою взволнованность, в процессе творчества она все же найдет для себя выражение в различных элементах стиха. Горацию помогли чуждые латинянам стихотворные размеры эолийской мелики, ибо передача ее музыкальных стиховых строк и строф на латинский язык требовала искуснейших стилистических приемов. Гораций заменил их

эмоциональную взволнованность музыкальной выразительностью, виртуозной инструментовкой стиха, сочетающейся с тончайшим подбором и грамматическим размещением слов. Он зачаровывает слух читателя уже самой структурой оды, при ее кажущейся простоте. Но эта простота достигнута сложнейшими средствами. Ритмомелодикой Гораций восполняет в одах недостаток эмоциональности, поговорочность — скупость высказываний. Непосредственность переживания, лиризм прямого отражения, свойственный поэтам Эоллии, почти исключен. Занимательность образа, оригинальность сопоставления не увлекают его. Гораций не стремится быть интересным. Все черпается из источников канонических. Всюду подчеркнута трезвость. Если иная строка или концовка неожиданно остра, то это пронстает не от неожиданности мысли, а от вышеуказанной поговорочности стиля, особенно в сентенциях. Поговорочности способствует самый стих Горация: упор на внутреннюю рифму, на созвучия, что облегчает запоминание. Такая поговорочность стиля характерна и для поэзии Сафо и Алкея, тесно связанной с народной лирикой. Лаконизм латинского языка помог Горацию осуществить эту тенденцию. Сказалось здесь и влияние александрийской эпитагмы. Эти черты стиля Горация выражены при переводе в таких сентенциях, как: «Чем душа жива, тем живи сегодня» или «Безысходность — порой исход».

В его одах все нормировано: выработанный словарь, отбор слов, преимущественно по звуковому принципу, особый метод размещения слов, повторение тех же риторических приемов, тех же синтаксических структур, тропов и фигур. Причем не только самый прием, но и самый словесный комплекс, или комплекс звуков, переносится из оды в оду.

Так же неизменно повторяются в одах мысли и образы, иногда в разных вариантах. Одни служат лейтмотивами общего характера, как, например, убегающая жизнь, ценность мгновения; другие образуют специфический круг Горациевых тем: неуступчивая возлюбленная, престарелая красавица, желторотый влюбленный, мот-наследник, пирушка под раскидистым деревом.

Все снова и снова звучат имена ветров и враждебных Риму народов: Парфы, Скифы, Кантабри; все тот же сельский фавн, тот же сверкающий и звенящий ключ или бурный Адрий. Все снова встают картины подземного мира, загробные тени, Цербер, вечная казнь мучеников преисподней — Прометея, Тантала, Иксиона. И тут же все те же увещания сельского мудреца: довольствуйся немногим, тем, чем богат, пользуйся своим достатком, избегай крайностей, жизнь коротка, живи мгновением.

Столь пленительно высказанная, легкая, скользящая по граням жизни практическая мудрость од Горация нравилась его современникам. Она сглаживала или изящно обходила все острое, глубокое и трагическое повседневной жизни, проповедуя после бурного века конца Римской республики безмятежность души и покой под сенью сельской идиллии, где досуг на фоне сельского бытия усыпляет скеп-

тицизм, отнимая у него остроту и злобу горожанина, а видимая наивность природы делает даже *цинизм* мило естественным, отнимая у него дерзость и вульгарность. Несомненно, Гораций удалился из Рима в свое деревенское уединение, чтобы не видеть многих истин жизни Мирового города.

Стр. 122. Гимн Вакху.— Опыт дифирамбического стиля. Повидимому, подражание греческому образцу. Гимны не могут обойтись без мифа, но они даны у Горация в лирическом ключе. Обычно мифы то вкраплены в его оды в виде намеков, мифологических имен, образов, то врастают в них цельными картинами драматического порядка, передавая скорее переживания, чем подвиги и поступки героя. Гораций пользуется мифами, как иллюстрациями, подтверждающими правоту его мысли и усиливающими убедительность его добрых советов и утешений.

Стр. 124. Гимн Меркурию.— *Атланта-отпрыск*.— Матерью Гермеса была Плеяда Майя—дочь Атланта. В гимне перечислены многообразные стороны культа бога Гермеса (у римлян — Меркурия), как бога красноречия, изобретателя лиры, покровителя торговли, вестника богов и душеводителя.

Стр. 125. Данаиды.— *Но одна из дев...*— Речь идет о Гиперметре, одной из Данаид, благородной ослушнице, вопреки воле отца пощадившей своего мужа Линкея в роковую для новобрачных ночь.

Стр. 127. Похищение Европы.— Ода эта — благое «напутствие» поэта неизвестной, названной Горацием именем одной из nereид, Галатеей. Написано, повидимому, по поводу ее отплытия в далекие страны Востока и имеет отношение к какому-то таинственному браку с высокопоставленным лицом, за которым последовала разлука. Слова: «*пролетев порог из слоновой кости*» — находят свое разъяснение в «Одиссее»: сны, вылетающие из преисподней через порог из слоновой кости, обманчивы.

Стр. 130. Парис-похититель.— В оригинале стоит слово «пастух». После истолкования зловещего сна Гекубы троянский царевич Парис был в младенческом возрасте брошен в ущелье горы Иды на съедение хищникам. Подобранный пастухами, он сам стал пастухом по имени Идея — обычная схема чудесных биографий героев. Гораций, видимо, следует не известному нам греческому оригиналу.

Стр. 135. Любовь.— Может показаться странным, что Гораций, этот гедоник, поклонник блистательных Лидий и Гликер, вдруг рекомендует римским красавицам верную и единую любовь. Ибо чем иным является его ода об Астерии и Гиге и заключительная строфа од о Лидии и Телефе, как не проповедью такой идиллической любви.

Во всяком случае Гораций стал явно к этому призывать в третьей книге од, где вслед за серией назидательно-политических стихов следует и вышеуказанная ода-новелла об Астерии и Гиге и знаменитая

ключ в тибурской деревеньке Горация. Назван так поэтом в честь нимфы Бандузии, почитаемой на родине поэта. В весенний праздник поклонения источникам «Фонтинелий» поселяне приносили ей у ключа жертву.

Стр. 158. М и р а! — Римский народ жаждал мира, и эту жажду мира на лоне сельской тишины выразил Гораций в своей идиллической оде, озаглавленной в сборнике «Мир». Ода была подсказана Горацию не только его воззрениями, не только литературным жанром «идиллий», но и чаяниями усталого римского народа.— *Я же принял в дар... деревеньку...*— Вилла Горация, подаренная ему Меценатом в 33 г., была расположена на берегу реки Дигенции, недалеко от Тиволи.— *...черни зловецей...*— Подразумевается литературная чернь.

Стр. 160. Отрече н ь е.— Очевидно, поэт отказывается от откровенного вольнодумия Эпикура, которому не было дела до богов. Былой вольнодумец стал приверженцем сельской народной обрядности. На это в Риме смотрят благосклонно. Он произносит слово «благочестие» и приносит в жертву козлят на жертвеннике у себя в деревеньке, оставаясь вольнодумцем про себя: конечно, без Прометеевой дерзости. Когда-то в «Сатирах» он лишь издевался над стойками, доводя их парадоксы до абсурда, но с поворотом Августа к патриархальным римским добродетелям склонился к ним и Гораций: бывший отрицатель стоицизма в «Сатирах» стал его приверженцем в одах. Ему теперь нравится гордый девиз стойков «быть», а не «казаться» и «ничему не удивляться». Теперь лозунги осторожного гедоника, любителя повседневных радостей: «ничего слишком», «всего в меру» — и любви и размышлений. Ему не нужны ни богатства, ни власть, ни суетные желанья, ни честолюбивые волнения. Его желание: покой и независимость.

Стр. 168. К р у х н у в ш е м у д е р е в у.— Гораций чуть не погиб у себя в деревеньке от рухнувшего неожиданно на него дерева. Близость смерти от простой случайности, которую невозможно предвидеть, отразилась в этой оде мифологической картиной загробного мира. *Тантал*.— Согласно классической версии мифа, Тантал, царь Фригии, желая испытать всеведенье богов, угощает их у себя в доме на горе Сипил блюдом из мяса зарезанного им сына Пелопа. За такое злодеяние Тантал был обречен на вечную казнь в преисподней. До того, как эта версия, созданная ревнителями Олимпийского пантеона, укрепилась, сказание о Тантале прошло несколько фаз. Первоначально Тантал — бог горы Сипил. С его культом вступает в борьбу культ Олимпийцев. По мере усиления Олимпийского пантеона Тантал превращается в сына Зевса (попытка воссоединения культов Тантала и Зевса), а затем в полубога. Его общение и пиры с богами, предоставление ему Зевсом амброзии, пищи богов, указывает на его исконное бессмертие и божественность. Поэтому Тантал требует для себя равных прав с богами и испытывает их всеведенье. Очевидно, культ Тантала был силен, и для его поглощения культом

Олимпийцев потребовался миф, снижающий образ Тантала-бога. Ему вменялись в вину три преступления против Зевса: 1. Он скрыл у себя чудесную золотую собаку Зевса, сославшись на неведение о месте ее нахождения. (Намек на золотые россыпи близ Сицилии.) 2. Амброзией, дарованной ему Зевсом, кормил своих друзей и придворных, чтобы сделать их бессмертными, то есть богами. (Намек на борьбу с культом Олимпийцев.) 3. Убил Пелопа. Будучи непримиримым противником Олимпийцев и врагом Зевса, Тантал был сопричастен к злодеям и низвергнут в тартар. Это означало, что культ Тантала был уничтожен. Сам Тантал превращается в трагедийную эпическую фигуру.

Я. Голосовкер

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

Сафо

Пещера нимф	7
К брату Хараксу	8
Моление к Гере	9
К Анактории	10
Гонгиле	11
К женщинам	12
Твой приезд — мне отрада...	13

Алкей

Весна	14
Гимн реке Гебру	15
К Диоскурам	16
● Гимн Митиленам	17
Вина Елены	19
Сколий	20
Буря не унимается	21
Новый вал	22
К митиленианам	23
Против Питтака	
Не помню, право...	24
Нам сказать бы ему...	24
За кружкой кружку...	25
Не всегда продувной...	25

Алкей в святилище Геры	26
Послание Питтаку	28
К городу Митиленам	29
О лидийцах и Питтаке	30
Другу Меланиппу	31
К о р и н н а	
Состязание Геликона с Кифероном	32
Дочери Асопа	34
С и м о н и д К е о с с к и й	
Геракл и Несс	36
П р а т и н	
Гипорхема	38
А н о н и м	
Авлодическая песня	40
П о с и д и п п	
Надгробие Дорихе	42
Т е р п а н д р Л е с б о с с к и й	
Возлияние	43
А н а к р е о н	
Посейдоний на двор вступил...	44
Не сули мне обилье благ...	45
Дай воды, вина дай, мальчик...	46
Клеобула, Клеобула я люблю...	47
С т е с и х о р	
Палинодия	48
Т и м о к р е о н	
Плутосу	49
Э п и х а р м	
Разум внемлет...	50

Народная лирика	
Эйресиона	51
Дионису	52
Антема	53
Хелихелона	54
Локрийская любовная	55
Семонид Аморгосский	
Женщины	56

ЛИРИКА РИМА

Катулл

Веранию	63
Поэту Лицинию Кальву	64
Поэту Цецилию	65
Корнифицию	66
Весна	67
Азинию Марруцину	68
Фурию и Аврелию	69
Корнелию Непоту	70
Лесбия	
Любовь	71
Разрыв	72
Альфену	73
Молодчику Фаллу	75
Лесбии	76
Воспоминание	77
На смерть Квинтили	78
Дружба	79
На смерть брата	
На могиле в Троаде	80
Гортензию Орталу	81
Письмо Манлию	82
Да, я готов зарыдать...	84
Два послания Геллию	
Не до такой слепоты...	85
Часто, тебе угодить от души желая...	86

Тибулл	
Делии	87
Проперций	
Отмена эдикта	89
Видение Цинтии	90
Бычки Геркулеса	93
Овидий	
	<i>Amores</i>
Встреча с музами	96
Сновиденье	99
	<i>Tristia</i>
В зимний шторм	101
Последняя ночь в Риме	103
Зима в Томах	106
Весна	109
Сожжение «Метаморфоз»	111
Первая отповедь	113
	<i>Ex Ponto</i>
Вторая отповедь	116
Рассказ старого скифа	118
Послание Северу	120
Гораций	
	<i>Гимны и мифы</i>
Гимн Вакху	122
Гимн Меркурию	124
Данаиды	125
Похищение Европы	127
Парис-похититель	130
Во славу музам...	132
Кто держает, Юлл...	133
	<i>Любовь</i>
Если б даже струя Дона далекого...	135
Я богов заклинал...	136
К богине любви	138
Поэту Альбию Тибуллу	139

Диалог	140
Что за шеголь...	142
Астерия и Гиг	143
Кто насильно чужд...	145
Что бежишь от меня, Хлоя...	146
Ксантий, нет стыда и в любви к рабыне!..	147
Раздумье Необулы	148

Пирюшки с друзьями

Не для сражений...	149
В праздник нептуналий	150
В день рождения Мецената	151
Вергилию...	153

Сельская идиллия

На край света...	155
К фавну	156
Бандузийский ключ	157
Мира!	158

Раздумья и утешения

Отречение	160
Бог мой, как ты жесток!..	161
О Пбстум! Пбстум! Льются, скользят года!..	162
Квинту Деллию	164
К кораблю Вергилия	166
К рухнувшему дереву	168
Памятник	170

Комментарии Я. Голосовкера	171
--------------------------------------	-----

Редактор С. Емельяников

Оформление художника М. Пикова

Худож. редактор А. Ермаков

Технич. редактор Ф. Артемьева

Корректор Р. Гольденберг

•

Сдано в набор 4/V 1954 г. Подписано
к печати 4/XII 1954 г. А 08345.
Бумага $84 \times 108^{1/2}$ — 12,5 печ. л. =
10,2 условн. печ. л. 6,3 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ № 3107.
Цена 3 р. 55 к.

Гослитиздат,
Москва, Ново-Басманная, 19.

•

3-я типография
«Красный пролетарий»
Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

•

Отпечатано
в 20-й типографии Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52
Зак. 80

